

Научная статья

УДК 94(571.5)“1917”+323.27

DOI: 10.32516/2303-9922.2026.57.16

Политический конфликт как прелюдия кровавой драмы в Иркутске (конец октября — начало декабря 1917 г.)

Владимир Иванович Шишкин

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, patric@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-1462-4805>

Аннотация. В статье проанализированы научные и мемуарные публикации по теме исследования. Сделан вывод, что в советских исследованиях, проведенных с классовых позиций, деятельность большевиков Иркутска в конце октября — начале декабря 1917 г. описывалась в апологетическом ключе, тогда как поведение их оппонентов и противников подвергалось вульгаризации и искажению. На них возлагалась ответственность за возникновение вооруженных боев в Иркутске, поведение юнкеров оценивалось как контрреволюционный мятеж, а эсеры назывались его вдохновителями и едва ли не руководителями. В статье последовательно рассмотрены следующие сюжеты: социальный облик Иркутска в 1917 г.; солдатские митинги и съезды Советов в этом городе; противостояние Центросибири и Окружного бюро; 25 октября 1917 г. в Иркутске; обсуждение столичных событий в иркутских властных, военных и общественных структурах; большевизация Совдепов, возникновение двоевластия; реконструкция Советов, первые шаги военно-революционного комитета; нагнетание большевиками истерии и обострение политической ситуации; переход от советской демократии к штыкочетии. Анализ политических событий, предшествовавших боевым действиям в Иркутске, позволил сделать вывод о том, что в действительности истоки конфликта лежали в агрессивной деятельности большевиков, руководимых Центросибирью и военревкомом. Доказано, что под их влиянием местные большевики на практике систематически игнорировали законность как буржуазный предрассудок, предпочитали нормам демократии насилие, пропагандировали гражданскую войну как эффективное средство борьбы трудящихся против угнетателей. Своей агитацией в пользу установления власти Советов, дискредитацией умеренных социалистов как прислужников буржуазии, требованием роспуска юнкеров военного училища и трех школ прапорщиков большевики подготовили, спровоцировали и перевели конфликт из политической фазы в военную. Попытки умеренных социалистов не допустить в Иркутске «бойни» решительно отменялись, что и привело к девятидневной кровавой драме.

Ключевые слова: Иркутск, большевики, эсеры, умеренные социалисты, юнкера, солдаты, Центросибирь, Окружное бюро Советов, Советы.

Для цитирования: Шишкин В. И. Политический конфликт как прелюдия кровавой драмы в Иркутске (конец октября — начало декабря 1917 г.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2026. № 1 (57). С. 236—298. URL: http://vestospu.ru/archive/2026/articles/57/16_57_2026.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2026.57.16.

Original article

Political Conflict as a Prelude to the Bloody Drama in Irkutsk (Late October — Early December 1917)

Vladimir I. Shishkin

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, patric@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-1462-4805>

Abstract. This article analyzes scholarly and memoirs publications on the topic of research. It concludes that Soviet publications, written from a class perspective, described the activities of the Irkutsk Bolsheviks in late

© Шишкин В. И., 2026

October and early December of 1917 in an apologetic light, while the behavior of their opponents and adversaries was vulgarized and distorted. They were held responsible for the outbreak of armed fighting in Irkutsk, the behavior of the cadets (Junkers) was assessed as a counterrevolutionary rebellion, and the Socialist Revolutionaries were considered its inspirers and even its leaders. The article successively examines the following topics: the public image of Irkutsk in 1917; soldiers' rallies and congresses of Soviets in this city; the confrontation between Centrosibir (Central Executive Committee of Siberian Soviets) and the District Bureau; October 25, 1917 in Irkutsk; discussion of the capital's events in Irkutsk government, military and public structures; the Bolshevization of the Soviets, the emergence of dual power; the reconstruction of the Soviets, the first steps of the Military Revolutionary Committee; the escalation of hysteria and the aggravation of the political situation by the Bolsheviks; the transition from Soviet democracy to bayonet warfare. The analysis of the political events preceding the hostilities in Irkutsk allowed us to conclude that the origins of the conflict lay in the aggressive activities of the Bolsheviks, led by Centrosibir and the Military Revolutionary Committee. It has been proven that, under their influence, local Bolsheviks systematically disregarded the rule of law as a bourgeois prejudice, preferred violence to democratic norms and promoted civil war as an effective means of workers' struggle against oppression. By agitating for the establishment of Soviet power, discrediting moderate socialists as servants of the bourgeoisie and demanding the dissolution of the military academy cadets and three ensign schools, the Bolsheviks prepared, provoked, and escalated the conflict from a political to a military phase. Attempts by moderate socialists to prevent a "massacre" in Irkutsk were decisively rejected, leading to nine days of bloody drama.

Keywords: Irkutsk, Bolsheviks, Socialist Revolutionaries, moderate socialists, cadets, soldiers, Centrosibir (Central Executive Committee of Siberian Soviets), District Bureau of the Soviets, the Soviets.

For citation: Shishkin V. I. Political Conflict as a Prelude to the Bloody Drama in Irkutsk (Late October — Early December 1917). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2026, no. 1 (57), pp. 236—298. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2026.57.16>.

Введение

Вышедшие в свет за последние годы многочисленные историографические публикации [18; 19; 89—92; 95; 96; 104; 107; 118; 119; 130; 160; 159; 163; 173], материалы научных конференций [13; 24—28; 103; 114; 126; 172], обобщающие академические и энциклопедические издания [86—88; 124; 127—129] позволяют утверждать, что со времен перестройки в изучении революции и Гражданской войны в России произошли существенные изменения и достигнуты значительные результаты. Если говорить о них исключительно коротко и тезисно, то они отличаются новизной исследовательской проблематики, введением в научный оборот широких пластов ранее неизвестного фактического материала, новыми оценками действовавших лиц и происшедших событий, оригинальными интерпретациями, выводами и концептуальными соображениями.

Совершенно естественно, что в силу специфики динамики научного знания некоторые оценки, интерпретации, выводы и тем более концепции, высказанные российскими историками за последнюю четверть века, имеют дискуссионный и промежуточный характер, не являются ни абсолютно бесспорными, ни тем более окончательными. Цеху историков России предстоит большая работа по дальнейшему приближению к объективному освещению революции и Гражданской войны, по наполнению этой великой драмы новыми фактами, сюжетами и персонажами. Для достижения поставленных задач потребуются исследования разного уровня, глубины и масштаба. Большое место в их ряду должны занять локальные работы, посвященные разным институциям, процессам, событиям и участвовавшим в них людям.

К числу событий, которое не оказало сколько-нибудь заметного влияния на ход ни революции, ни Гражданской войны в России, можно отнести военно-политический конфликт, случившийся в конце 1917 г. в Иркутске. Он включал в себя затяжное политическое противоборство и короткую, но кровопролитную вооруженную схватку, завершившуюся установлением власти Советов. По характеру боевых действий с участием тысяч людей, применявших стрелковое оружие и артиллерию, по количеству вооруженных потерь противоборствовавших сторон и жертв среди гражданского населения, по мас-

штабам разрушения жилья, инженерной и социальной инфраструктуры бои в Иркутске уступают только аналогичным событиям того периода в Москве.

Изучение иркутской драмы представляется важным и научно актуальным в нескольких отношениях. Деятельность большевиков и их соратников в Иркутске по захвату и удержанию власти осуществлялась в социально неблагоприятной для них обстановке. Это вынуждало левых радикалов вести себя нестандартно, вносить изменения в тактику, использовать формы и методы борьбы, не соответствовавшие общепринятым в их среде практикам. Тем самым большевики обогатили свой опыт, еще шире раздвинули рамки существовавшей к тому времени в их партии морали, что стало важной предпосылкой для применения ими в дальнейшем революционной законности и использования красного террора.

Иркутские события также предоставляют исследователям хорошую возможность для понимания, казалось бы, противоречивого поведения правых эсеров и меньшевиков, традиционно именуемых «умеренными» социалистами, которые были искренними приверженцами Советов и в то же самое время — противниками насильственного установления их власти. Изучение военно-политического конфликта в Иркутске позволит также выяснить причины, по которым умеренные социалисты проиграли своим политическим противникам — левым радикалам — в борьбе за власть.

Изучение избранной темы дает историкам хороший шанс глубже осмыслить и объективнее описать поведение разных категорий жителей Иркутска в возникавшей экстремальной ситуации. Точно так же исследование военно-политического противоборства в Иркутске позволит выяснить достоверность сложившихся представлений об облике таких местных вождей, как Н. А. Алексеев, П. П. Постышев, Б. З. Шумяцкий, М. А. Трилиссер и Я. Д. Янсон, которые задавали тон и во многом определяли ход и итоги борьбы в Иркутске в конце октября — декабре 1917 г., а в дальнейшем сделали карьеру в советской России.

Вполне естественно, что борьба за власть в Иркутске в конце 1917 г. оказалась исключительно злободневной темой для многих участников и очевидцев событий, только для одних из них героической и победоносной, а для других — трагической и болезненной.

Столь же закономерно, что эта борьба стала объектом внимания и освещения в местной периодической печати буквально через несколько дней после завершения ее наиболее острой, военной фазы. В конце декабря 1917 — январе 1918 г. в иркутских газетах появилось на эту тему около двух десятков статей, являвшихся воспоминаниями о недавно пережитом прошлом. Авторами текстов были разные по своему социальному статусу, профессии, занятиям и позициям люди: рядовые обыватели, журналисты и сотрудники газет [29—31; 93; 94; 105; 106; 112; 113], военнотружачий [8], общественно-политические деятели [105; 138; 139].

Опубликованные тексты существенно отличались по своей целевой установке и задачам, которые решали их авторы, и, соответственно, по содержанию. В разной степени полные и достоверные в отдельности, в совокупности они позволяли составить довольно объективное представление об обстановке и атмосфере, которая царилла в конце октября — декабре 1917 г. в Иркутске, о настроениях населения и поведении участников вооруженной борьбы, о боевых действиях, которые велись в Иркутске с 8 по 16 декабря. Авторы большинства текстов воспоминаний не скрывали своих эмоций, называли происходившее в Иркутске «бойней» и/или «гражданской войной», а ее виновниками считали местных большевиков, решивших с помощью насилия утвердить в нем власть Советов.

Установление в начале 1918 г. в Иркутске «твердой» советской власти положило конец этому короткому всплеску воспоминаний об иркутской драме, о вызвавших ее причинах,

ходе и результатах развязки. Начавшаяся затем всеобъемлющая гражданская война затмила ее по своим масштабам, итогам и последствиям, на время уменьшила потребность в напоминании и осмыслении этого драматического локального явления.

Вновь о событиях в Иркутске конца 1917 г. мемуаристы стали писать только несколько лет спустя. Причем на этот раз состав авторов принципиально отличался от их предыдущего круга своей идейно-политической однородностью. В нем были представлены исключительно те, кто в 1917 г. был большевиком или сторонником большевизма, боролся за установление власти Советов, а позднее стал членом РКП(б).

По вполне понятным причинам в центре внимания мемуаристов 1920-х — начала 1930-х гг. оказались боевые действия между вооруженными формированиями, подчиненными большевикам, и противостоявшими им юнкерами и казаками. Попутно о декабрьских событиях конца 1917 г. в Иркутске написали А. Н. Буйских [10, с. 54—57], В. Д. Виленский-Сибиряков [15, с. 5—6], В. Ф. Владимировой [16, с. 108—111], Б. З. Шумяцкий [168, с. 33—88; 169, с. 272—342]. Специальные статьи посвятили этому событию Н. А. Алексеев [5], Н. Ф. Чужак-Насимович [164], Р. П. Эйдеман [170; 171] и Я. Д. Янсон [176; 177].

Воспоминания А. Н. Буйских и В. Ф. Владимировой, не являвшихся участниками событий, а написанные с чужих слов, отличались недостоверностью фактических данных, В. Д. Виленского-Сибирякова — сомнительностью сведений и тенденциозностью авторских утверждений. Н. Ф. Чужак-Насимович героизировал защитников Белого дома, но объективно оценил причины поражения большевиков и заключения ими мирного соглашения с юнкерами.

Б. З. Шумяцкий довольно подробно описал деятельность иркутских леворадикалов, направленную сначала на завоевание руководящих позиций в Совете рабочих и в Совете военных депутатов Иркутска, а затем — на взятие ими власти в свои руки.

Краткий очерк о политической обстановке в Иркутске до декабрьских боев, содержащий как некоторые ключевые для ее понимания факты и фамилии главных действующих лиц, так и фактические ошибки, опубликовал Н. А. Алексеев.

Р. П. Эйдеман написал довольно пространные по объему мемуары, не отличавшиеся, однако, насыщенностью фактическим материалом, конкретикой, точностью хронологии и описания событий. В отличие от большевиков, Р. П. Эйдеман считал, что восставшими нужно считать не юнкеров, а большевиков и их сторонников. Он признал, что у юнкеров был формальный повод для вооруженного выступления против большевиков, отмечал, что вооруженная борьба в Иркутске сопровождалась широким разгулом уголовщины со стороны красногвардейцев и солдат. Фактическую сторону военных событий мемуарист изложил довольно достоверно, но их политическая интерпретация оказалась откровенно тенденциозной.

Декабрьские боевые действия в широком историческом контексте намеревался осветить Я. Д. Янсон. Но изложение социально-политического контекста в его воспоминаниях оказалось малоинформативным и откровенно поверхностным. Автор подробно описал характер боев в городе, признал, что большевики не проявляли никакого интереса к мирным переговорам между сражавшимися сторонами, а инициативу юнкеров по заключению мирного договора объяснил осознанием последними неизбежности поражения.

В целом значительная часть воспоминаний, написанных и опубликованных в конце 1917 — начале 1918 г., содержит довольно много важной и нужной информации, несмотря на различия политических взглядов их авторов. Напротив, мемуары 1920-х — начала 1930-х годов, принадлежащие бывшим революционным радикалам, недостаточно ин-

формативны. По своему содержанию они являются, скорее, идеологическим продуктом своего времени.

В 1929 г. вышла в свет первая специальная публикация о борьбе за установление власти Советов в Иркутске, написанная профессиональным историком Р. А. Знаменской [67]. Три года спустя на эту же тему под грифом Истпарта была издана вторая книга, автором которой являлся выпускник Института красной профессуры М. А. Гудошников [32]. 1937 год ознаменовался выпуском подготовленной И. А. Тимофеевым хроники о борьбе за власть Советов в Восточной Сибири, в которой в общей сложности около 20 страниц уделено событиям в Иркутске с середины октября по конец декабря 1917 г. [162]. Для всех этих сочинений характерна узкая и малодостоверная источниковая база, значительную часть которой составляли воспоминания большевиков; как правило, тенденциозная интерпретация приводимых фактов; почти полное отсутствие фамилий людей, которые вели борьбу; использование в качестве научных выводов политических штампов из практики коммунистического агитпропа того периода.

Возобновление интереса к истории борьбы за власть в Иркутске в конце 1917 г. произошло лишь двадцать лет спустя, с наступлением хрущевской «оттепели», и он сохранялся почти два последующих десятилетия. В 1956 г. Белый дом оказался предметом исследования в брошюре Г. А. Вендриха [14]. Затем проблематика иркутской драмы попутно нашла отражение в книге В. В. Рябикова [131, с. 44—50], в монографиях Ф. А. Кудрявцева и Г. А. Вендриха по истории Иркутска [100, с. 264—284; 101, с. 237—248], В. П. Сафронова и М. М. Шорникова о борьбе большевиков Сибири за победу Октябрьской революции [133, с. 502—506; 167, с. 505—510], В. С. Познанского о вооруженной борьбе Советов Сибири с контрреволюцией [117, с. 44—49], В. Т. Агалакова о советском строительстве в Сибири [2, с. 82—83, 90—97, 103—105] и А. Н. Баталова о борьбе большевиков Сибири за армию [7, с. 215—221].

Почти во всех указанных монографиях фрагменты, посвященные иркутским событиям конца 1917 г., составляли мизерный объем. Как правило, они освещались на узкой и хорошо известной источниковой базе, не содержали ничего нового для раскрытия темы. Более того, имеющиеся в монографиях В. П. Сафронова и М. М. Шорникова тексты свидетельствуют о том, что их авторы плохо знали и недостаточно понимали то, о чем писали.

В результате в исследованиях конца 1950-х — конца 1970-х годов был сделан незначительный шаг вперед в изучении темы. Дальнейшее ее изучение застопорилось по ряду причин: из-за недоступности для историков новых источников, наличия жесткой идеологической цензуры, обязательного применения классового подхода при трактовке событий. Не исключено, что дальнейшее продвижение в ее разработке могло произойти при обновлении или даже смене поколений историков.

Перестройка, а затем и ликвидация в России коммунистического правления явились главными предпосылками для обновления исторической науки в стране. В том числе стали изучаться ранее табуированные и как бы считавшиеся завершенными темы. В ряду последних не сразу, а спустя почти полтора десятилетия оказалась и иркутская драма конца 1917 г. Декабрьские бои стали темой трех докладов на состоявшихся в Иркутске в 1992, 1994 и 1998 гг. научных конференциях, содержание которых было опубликовано в виде тезисов [4; 121; 122]. Однако эти тезисы не содержали ни новых фактов, ни новых подходов, ни новых выводов.

В следующем десятилетии эстафету по изучению иркутских драматических событий подхватил П. А. Новиков. Главные результаты своих исследований он опубликовал в индивидуальной и коллективной монографиях, а также в двух специальных статьях [108,

с. 21—35; 109; 110; 111]. Автор сосредоточил свое внимание на иркутских боях. П. А. Новиков более полно, детально и объективно, чем его предшественники, описал боевые действия сторон. В то же время в публикациях П. А. Новикова отсутствует постановка научных проблем. Ход борьбы не всегда освещен точно и, главное, недостаточно показан общественно-политический контекст, оказывавший существенное влияние на поведение противников.

Дискуссионным является утверждение П. А. Новикова о том, что противников большевиков «подвела полит[ическая] неискушенность и незнание методов большевиков». Вооруженное выступление юнкеров трактуется им как реакция «на действия, практику и идеологию рвущихся к власти большевиков». В то же время П. А. Новиков упрекает эсеров в попытке использовать юнкеров, что по сути дела равносильно обвинению умеренных социалистов в провоцировании и даже в возникновении вооруженного конфликта. Явно не соответствует действительности заключительный тезис П. А. Новикова о том, что следствием иркутских боев «стал глубокий раскол об[щест]ва и развязывание гражд[анской] войны в Сибири» [110, с. 401].

Краткий очерк общественно-политической жизни Иркутска в 1917 г., довольно глубоко и объективно отражающий главные события и процессы, представил Ю. А. Петрушин [115]. Но поскольку текст был написан в основном с использованием опубликованных источников, он почти не содержит новых данных и выводов.

Общественно-политические события и процессы 1917 г., включая их декабрьскую составляющую, осветили авторы коллективной монографии о деятельности Иркутской городской думы [69]. Их безусловной заслугой стало введение в научный оборот протоколов заседания думы, выявленных ими в газете «Сибирь». Значительно хуже обстоит дело с объяснением политических и военных событий. Показательно такое утверждение, некритически заимствованное у советских историков и противоречащее имеющимся фактическим данным: «Вооруженные столкновения начались 8 декабря восстанием казаков и учащихся юнкерских училищ» [69, с. 206].

Последней по времени публикацией, предметом исследования которой были декабрьские события в Иркутске, явилась статья В. А. Шаламова, в которой рассмотрен их медицинский аспект [165]. Этот ракурс позволил по-новому увидеть и оценить такие вопросы, как отношение разных слоев городского населения к участникам боевых действий.

Историографический обзор свидетельствует о том, что локальная тема, посвященная борьбе за власть в Иркутске в последние два с половиной месяца 1917 г., имеет внушительный библиографический список, около половины названий в котором составляют воспоминания и примерно столько же — исследовательские публикации. Большая часть воспоминаний и все исследовательские публикации, написанные и опубликованные в советское время, выполнены с учетом классового подхода. Они апологетичны по отношению к большевикам и их соратникам, но тенденциозны по отношению к оппонентам и противникам левых радикалов. В результате вооруженные действия юнкеров трактуются как контрреволюционный мятеж, а эсеры квалифицируются как его идейные вдохновители, а иногда даже как непосредственные руководители.

Большая часть воспоминаний и исследовательских публикаций отведена небольшому временному отрезку, когда в Иркутске шли бои. Такая концентрация внимания на узком проблемно-хронологическом фрагменте вполне понятна, но для исторической науки едва ли продуктивна, поскольку понять причины вооруженной борьбы, ее ход и итоги невозможно без их рассмотрения в контексте политических процессов.

Цель настоящей статьи — показать борьбу за власть в Иркутске через анализ двух ее главных составляющих — политической и военной.

Для достижения этой цели планируется решить ряд задач: обрисовать социальную и политическую ситуацию в Иркутске как контекст, в котором происходили изучаемые события; выявить и охарактеризовать основных акторов, участвовавших в борьбе; проанализировать использовавшиеся ими практики, причины и эффективность их применения; выяснить этапы политической борьбы, ее промежуточные результаты и конечные итоги.

Исследование выполнено в узких территориальных и хронологических рамках. Территория — это город Иркутск в его тогдашних границах. Нижний хронологический рубеж — это примерно конец октября 1917 г. Он обусловлен проведением в Иркутске Первого общесибирского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, провозгласившего начало борьбы за установление власти Советов в Сибири. Верхняя граница — 8 декабря 1917 г., когда большевики Иркутска решительно перешли от политических к военным формам борьбы за власть Советов.

Исследователи борьбы за власть в Иркутске в последнюю четверть 1917 г. вынуждены работать с довольно своеобразной и узкой источниковой базой. Еще в 1929 г. Р. А. Знаменская выяснила, что почти все архивные документы о деятельности большевиков погибли в декабре 1917 г. во время пожара в Белом доме или были уничтожены в ходе Гражданской войны [67, с. 3, примечание].

Такая же судьба постигла документы многих Советов, партийных организаций меньшевиков и эсеров. Поэтому источниковую базу настоящей статьи составили комплекты трех газет, которые в октябре — декабре 1917 г. издавались в Иркутске: ежедневная «Сибирь», выходящая с 25 октября 1906 г. [136—157]; ежедневная политическая, литературная и экономическая газета «Иркутская жизнь», издававшаяся с 1914 г. [69—84]; и появившаяся только 30 апреля 1917 г. ежедневная общественно-политическая и литературная газета «Единение» [33—64].

Редактором «Сибири» в 1917 г. был писатель и общественный деятель, эсер с 1903 г. И. Г. Гольдберг. Считалось, что газета выражала взгляды партии эсеров. «Иркутская жизнь» не скрывала своих связей с партией народной свободы. Газета «Единение» большую часть времени официально являлась органом Окружного бюро Советов солдатских и рабочих депутатов Восточной Сибири. Все это время ее ответственным редактором был профессиональный революционер, меньшевик с 1903 г. М. М. Константинов. В силу коалиционного характера Окружного бюро «Единение» публиковало материалы не только умеренных социалистов, но и большевиков и о большевиках. В совокупности публикации, имеющиеся в названных газетах, содержат довольно полную информацию об общественно-политической жизни Иркутска и борьбе в нем за власть, освещающая ее с позиций разных партий и даже партийных фракций.

Двумя главными пробелами в корпусе источников стало отсутствие в библиотеках, архивах и музеях России пяти номеров газеты «Единение» с 4 по 20 декабря 1917 г., а также газет «Иркутская жизнь» и «Сибирь» за 2—20 декабря 1917 г. Главной причиной невыхода «Иркутской жизни» и «Сибири» сначала стала забастовка печатников, во многом спровоцированная большевиками, а затем — военные действия в Иркутске, не позволившие издавать периодическую печать. С чем связано отсутствие нескольких номеров «Единения», пока не установлено.

Недостатком иркутских периодических изданий являются: значительный разрыв во времени между общественно-политическим мероприятием или событием и публикацией информации о нем; зачастую невнятные заголовки публикуемых материалов, недостаточно соответствующие их содержанию; отсутствие датировки описываемых событий.

Эти минусы затрудняют понимание происходившего, но не являются для историков непреодолимой преградой.

Основу применявшегося автором в работе над статьей исследовательского инструментария составили традиционные методы исторической науки, прежде всего описание, анализ, синтез, хронологический, нарративный, историко-генетический и историко-сравнительный. Они были дополнены с учетом предмета исследования, состояния источниковой базы и поставленных задач подходами и методами, практикуемыми в новой политической истории, микроистории, исторической антропологии, конфликтологии и биографике.

Результаты исследования

Иркутск в 1917 году. Стратегия большевистского руководства по осуществлению социалистической революции в России предусматривала свержение Временного правительства и установление власти Советов в первую очередь в столице, в Петрограде. В то же время перед всеми большевистскими организациями была поставлена задача взять власть на местах в свои руки, используя Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в качестве главного инструмента борьбы. Особая роль в предстоявшей схватке за власть отводилась Москве и крупным городам, являвшимся административно-политическими центрами областей и губерний. На востоке России в числе таких городов наряду с Омском, Томском, Хабаровском и Владивостоком значился Иркутск.

Накануне Первой мировой войны Иркутск входил в десятку наиболее крупных городов России. Численность его постоянного населения равнялась примерно 126 тыс. человек. По этому показателю среди городов Сибири Иркутск занимал второе место, лишь немного уступая Омску [3, с. 293].

В силу того, что Иркутск являлся преимущественно административно-политическим, торговым и транспортным центром, среди его жителей высокий удельный вес занимали чиновники и служащие, трудившиеся в органах управления, в сфере обслуживания и транспорта, а также лица свободных профессий. Вместе с членами семей они составляли около половины численности городского населения [168, с. 35—37; 169, с. 274—275]. Можно сказать, что Иркутск имел довольно благоприятную социальную среду для распространения либерально-демократических и умеренных социалистических взглядов.

Из-за слабого развития промышленности, носившей в основном полукустарный характер, количество рабочих в Иркутске было невелико — в совокупности на таких предприятиях оно не превышало 7 тыс. человек [158, с. 3]. Численно небольшие, но выделявшиеся из основной массы горожан группы составляли бывшие политические и уголовные ссыльные. За время войны в Иркутске увеличилось количество военнослужащих. Кроме того, в городе появились такие новые людские контингенты, как беженцы и военнопленные [68, с. 396, 425]. На столь сложной социальной почве могли возникнуть и существовать различные идейно-политические образования, исповедовавшие как праворадикальные, так и леворадикальные взгляды.

Как и во многих городах Сибири, в Иркутске имелся значительный гарнизон. Он состоял из четырех (9, 10, 11 и 12-го) Сибирских запасных полков, каждый из которых насчитывал от 700 до 1100 человек, двух дружин (715-й пешей Забайкальской и 718-й пешей Астраханской), Иркутского казачьего дивизиона, Сибирского запасного артиллерийского дивизиона, военного училища, трех школ прапорщиков пехоты и разных вспомогательных служб. Общая численность военнослужащих не была постоянной и колебалась от 35 до 50 тыс. человек [7, с. 28—29; 108, с. 21].

Основной контингент военнослужащих составляли сибиряки, преимущественно крестьяне. Они положительно отреагировали на свержение самодержавия и приветство-

вали установление Временного правительства. Но настроение солдатской массы было неоднородным, противоречивым и крайне неустойчивым. Наблюдавший за ее поведением видный социал-демократ В. С. Войтинский вспоминал: «Настроение среди солдат было двойственное: традиционный “патриотизм” переплетался с опьянением свободой и начавшимся пробуждаться бунтарским духом» [17, с. 16].

Иркутск являлся резиденцией командующего войсками и штаба Иркутского военного округа, самого крупного из 12 военных округов России. Общая численность военнослужащих в нем не была постоянной. В начале марта 1917 г. она составляла 78,7 тыс. человек, из которых около 40 тыс. приходилось на Иркутск [7, с. 33; 68, с. 430]. 30 августа 1917 г. назначение в округ получил новый командующий войсками. Им стал С. Н. Самарин, только что произведенный в генерал-майоры за «отличия по службе», лично известный премьер-министру А. Ф. Керенскому. 26 сентября С. Н. Самарин прибыл в Иркутск и вступил в должность [68, с. 445].

После Февральской революции Иркутск стал местом пребывания Иркутского губернского комиссара Временного правительства и комиссара Временного правительства по бывшему Иркутскому генерал-губернаторству (по Восточной Сибири). Общественные организации Иркутска и губернии и представители политических партий избрали на первую должность профессионального управленца беспартийного И. А. Лаврова, который до революции пять лет служил управляющим Иркутской казенной палатой. 4 марта он вступил в исполнение обязанностей губернского комиссара [102, с. 11]. На вторую должность 22 мая Временное правительство назначило С. Н. Салтыкова, бывшего депутата II Государственной думы, бывшего политкаторжанина, меньшевика с 1903 г. [123, с. 240]. Позже, 19 августа, по представлению состоявшегося в июле 1917 г. краевого съезда общественных организаций Восточной Сибири Временное правительство назначило своим комиссаром профессионального революционера, члена партии эсеров с 1903 г., бывшего политкаторжанина А. Н. Кругликова [62].

Информация о свержении царского режима вызвала невиданную радость и активность большинства иркутян, вылившуюся в создание ими всевозможных общественных и политических организаций. Те немногочисленные ячейки социал-демократов, социалистов-революционеров, народных социалистов и конституционных демократов, которые раньше существовали подпольно или под прикрытием других структур, немедленно легализовались. Повсеместно создавались профессиональные союзы рабочих и служащих, учительские и студенческие корпорации, солдатские комитеты, национальные общества и организации.

После получения известия о свержении царского правительства в Иркутске по инициативе местной общественности стремительно сформировались новые структуры, способные заполнить образовавшуюся брешь во властной системе, не допустить возникновения хаоса и беспорядка. Вечером 2 марта 1917 г. в Иркутске в помещении городской управы состоялось собрание представителей различных учреждений и общественных организаций. Оно сформировало ядро Исполнительного комитета общественных организаций (КООрг), ставшего вскоре фактически местным органом новой государственной власти. В его состав вошли представители различных политических течений социалистической ориентации. Председателем КООрга Иркутска был избран видный политический деятель, находившийся в ссылке бывший председатель социал-демократической фракции во II Государственной думе меньшевик И. Г. Церетели. После его отъезда 9 марта в Петроград председателем Иркутского КООрга стал А. Н. Кругликов [68, с. 429].

3 марта в Иркутске образовался Совет рабочих депутатов, а 5 марта — Совет военных депутатов. Оба Совета возглавили умеренные социалисты, поддерживавшие Временное

правительство. Председателем Совета рабочих депутатов был избран профессиональный революционер, член РСДРП с 1898 г. меньшевик Л. И. Гольдман. Совет военных депутатов возглавил профессиональный революционер, эсер с 1905 г., бывший политкаторжанин, поручик А. А. Краковецкий [66, с. 111; 68, с. 429, 434].

Кроме того, на состоявшемся 7—13 апреля 1917 г. в Иркутске Первом съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири было учреждено Окружное бюро Советов. Первое время численность членов Бюро колебалась в пределах 20—25 человек. По составу оно было коалиционным. В разное время в него входили меньшевики, меньшевики-интернационалисты, большевики, правые и левые эсеры. В начале августа председателем Бюро был избран профессиональный революционер, член РСДРП с 1903 г., меньшевик А. Н. Черкунов. Права и обязанности Окружного бюро сначала не были четко определены. Реально основная его работа заключалась в координации деятельности местных Совдепов [65]. Но постепенно явочным порядком Бюро стало расширять свои prerogatives. На заседании 23 сентября 1917 г. оно так определило свою компетенцию: Окружное бюро — это «высшая демократическая организация, взявшая на себя руководство всеми органами революционной демократии Восточной Сибири» [33].

Судя по всему, первое время в политической жизни Иркутска тон задавали социал-демократы. Лидирующие позиции социал-демократов объясняются наличием в их рядах опытных политических деятелей, только что освободившихся из ссылки и временно задержавшихся в Иркутске по пути в родные края.

Но наибольшей популярностью в городе пользовались эсеры. Их успех объясняется широкой известностью и притягательностью главного эсеровского лозунга «Земля и воля», наличием в рядах эсеров таких знаменитостей, как Е. К. Брешко-Брешковская («бабушка»), Егор Сазонов, Мария Спиридонова. Не последнюю роль играла предельно простая процедура вступления в эсеровскую партию, когда достаточно было заявления желающего и не требовалось никаких рекомендаций. В результате некоторое время существовал самый настоящий наплыв в партию эсеров. Не случайно появился термин «мартовский» эсер. Резко критически об эсерах Иркутска отзывался один из красноярских большевиков, подписавшийся инициалами Н. К. «Социалисты-революционеры здесь правее, кажется, кадетов, — утверждал он. — Недаром их здесь уже начинают звать кадетскими подголосками» [98].

Важную роль в жизни Иркутска играла городская дума. Выборы в нее согласно Правилам, утвержденным Временным правительством, состоялись 30 июля. Дума оказалась многопартийной по своему составу. Большинство мест в ней получили эсеры: из 90 депутатов их оказалось 47 человек (52%). 12 мест в гордуме досталось меньшевикам и 11 — большевикам. Городским головой стал профессиональный революционер, эсер Н. А. Чичинадзе, а председателем гордумы — помощник присяжного поверенного, член партии эсеров с 1903 г. В. Г. Дистлер [69, с. 120—124]. Можно утверждать, что весной — летом 1917 г. Иркутск являлся оплотом умеренных социалистов, которые поддерживали Временное правительство, за что красноярские большевики презрительно прозвали его «Иркутским болотом» [98].

Солдатские митинги и съезды Советов. После Февральской революции головной болью для властей большинства городов Сибири были гарнизоны. Демократизация в них армейской жизни, проходившая по инициативе и при активном участии социалистов, сначала вылилась в создание солдатских комитетов и Советов, в отстранение от должности ряда командиров и назначение вместо них выборного начальствующего состава, а в Западной Сибири — даже во введение коллективного управления войсками. Вскоре эти новации обернулись неподчинением бывших нижних чинов офицерам и командирам.

Ликвидация ограничений солдат в гражданских правах привела к падению воинской дисциплины, пьянству, дезертирству из частей гарнизонов и маршевых рот, отправленных на фронт, насилию над гражданским населением, что прикрывалось антивоенной демагогией и революционной риторикой.

Гарнизон Иркутска не составил исключения. 27 мая 1917 г. анархисты устроили в Иркутске митинг, призывая не верить Временному правительству, захватывать власть в свои руки и создавать свободный коммунизм. 4 июня около 400 солдат из числа амнистированных уголовных провели четырехчасовой митинг против обвинения их в преступности. 20—23 июня анархисты и уголовники выступали с призывами разделить частную собственность. Совдепам удалось произвести аресты наиболее активных участников этих выступлений и на время нормализовать обстановку [115, с. 439].

Ситуация в Иркутском гарнизоне вновь серьезно обострилась в середине сентября 1917 г. На 16 число в нем были намечены митинги солдат запасных полков, но Совет военных депутатов запретил их проведение. Однако на следующий день на главной, Тихвинской площади города с обеда до вечера проходило несанкционированное собрание военнослужащих, на котором обсуждался вопрос об утверждении устава Союза беспартийных солдат. Главными ораторами на нем были известные анархисты, в своих речах призывавшие солдат захватить власть.

Через день состоялось экстренное заседание Совета военных депутатов, обеспокоенного эксцессами в солдатской среде. Возглавлявшая в то время Совет военных депутатов Исполнительная военная комиссия (иногда называлась военно-исполнительной комиссией) попыталась политическими средствами добиться роспуска Союза беспартийных солдат и недопущения митинга. 19 сентября она арестовала одного из солдат, наиболее рьяно призывавшего к сходке, затем с согласия Совета военных депутатов 20 сентября произвела аресты еще четырех активистов этого Союза. В ответ на следующий день солдаты не вышли на занятия, а 12-й полк устроил митинг, потребовав освобождения арестованных. В противном случае солдаты полка угрожали отказаться от отправки на фронт.

Утром 21 сентября Исполнительная комиссия и являвшийся помощником командующего войсками Иркутского военного округа поручик А. А. Краковецкий получили сведения, что часть солдат 11 и 12-го полков не вышла на занятия и устроила самовольный митинг. Когда они приехали в 12-й полк, где шло собрание, то по инициативе его председателя — солдата из числа уголовно-амнистированных — А. А. Краковецкого арестовали и заключили на гауптвахту полка. «Настроение митинга благодаря агитации главарей, — утверждала Исполнительная комиссия, — приняло бурный характер, грозящий порядку не только в полку, но и в городе» [11].

Для наведения дисциплины в 12-м полку Исполнительная комиссия направила роту юнкеров и взвод артиллерии, с появлением которых А. А. Краковецкий был освобожден. Но по призыву организаторов митинга «В ружье!» находившиеся под их влиянием солдаты вооружились и заняли казармы. На приказ А. А. Краковецкого выйти из казарм и сдать оружие они не реагировали. Тогда для демонстрации решительности намерений военных властей было дано два артиллерийских выстрела в воздух, после чего солдаты подчинились приказу и выдали зачинщиков и подстрекателей.

Примерно так же развивались события в 11-м полку. Значительная часть солдат его 6-го батальона, вооружившись винтовками с достаточным количеством патронов, намеревалась двинуться на поддержку 12-го полка. Подошедшая сюда рота юнкеров и взвод артиллерии не смогли их образумить. Солдаты с винтовками вышли из казарм. Требования прибывших в полк членов Исполнительной комиссии и А. А. Краковецкого сложить оружие, угрожавших применить силу против неподчинившихся, солдаты проигнориро-

вали. Выстрелы в воздух также не оказали на них отрезвляющего влияния. После этого А. А. Краковецкий с согласия Исполнительной комиссии вызвал дополнительно юнкеров и солдат 10-го полка, которые окружили казармы батальона. Несколько холостых выстрелов в воздух дала артиллерия. Только после этого одни нарушители, пользуясь наступившей темнотой, просочились сквозь окружение на окраины города, другие сдались. К утру порядок в гарнизоне был восстановлен [11; 12].

В течение двух последующих дней произошло разоружение полков, солдаты которых нарушили воинскую дисциплину. Около 400 активных участников беспорядков были арестованы, а 300 из них заключены под стражу, была создана следственная комиссия с целью выявить зачинщиков и определить вину участников, а в Иркутске было объявлено военное положение [7, с. 187; 123, с. 249—251].

Тогда же состоялись заседания комитетов 10, 11 и 12-го полков, обеих дружин, собрания солдат и офицеров 2-й и 3-й батарей артиллерийского дивизиона. Они осудили произошедшие беспорядки, приравняв их к мятежу, одобрили меры командования и Исполнительной комиссии по его подавлению, высказались в поддержку Временного правительства [12]. Внешне все в гарнизоне снова стало выглядеть вполне благополучно.

Более серьезные последствия для общественно-политической обстановки в Иркутске имели два других, очень близких по своей сути события, состоявшиеся одно за другим в середине октября 1917 г. Сначала это был Второй съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири (11—15 октября), затем — Первый Общесибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (16—23 октября).

Оба съезда инициировали большевики Красноярска, являвшиеся твердыми сторонниками В. И. Ленина, причем их подготовку и проведение они предложили осуществить Окружному бюро Советов Восточной Сибири. С помощью съездов ленинцы намеревались решить ряд взаимосвязанных задач: осуществить массированную кампанию по пропаганде большевистских взглядов среди населения Иркутска, поднять авторитет местных большевиков, усилить свои позиции в руководстве Советами.

Первое время после Февральской революции социал-демократы Иркутска, имевшие разные взгляды по коренным вопросам революции, как и значительная часть структур РСДРП в других городах, состояли в единой организации. В начале лета 1917 г. большевики вышли из нее, но 2 и 5 июля приняли решение вернуться, а 4 августа — снова встал вопрос о слиянии. 8 октября иркутские большевики во второй раз покинули единую организацию и самоопределились. Они имели небольшую численность, которая не превышала сотни членов [21—23; 167, с. 332, 436—437].

Но в большевистской организации имелось ядро, состоявшее из таких опытных профессиональных революционеров, как Н. А. Алексеев, Н. А. Гаврилов, Н. Ф. Насимович (Чужак-Насимович), Ф. Н. Петров, П. П. Постышев, М. А. Трилиссер, А. И. Шевцов, Я. Д. Янсон, не отличавшихся, однако, креативностью. В целом иркутская организация не проявляла достаточной активности, из-за чего по популярности проигрывала меньшевикам, не говоря уже об эсерах. Она не имела даже собственного печатного органа. Вот как иркутские социал-демократы выглядели в глазах одного красноярского большевика: «Здесь все вообще какие-то пришибленные. Иногда еще говорят горячие, смелые речи, зовут к активной работе, к борьбе за завоевания революции, но на деле ушли не далее старых бюрократических чиновников» [98].

Для того чтобы добиться в Иркутске успеха, большевики Красноярска направили на оба съезда Советов внушительную делегацию, в которую вошли Я. Е. Боград, Г. М. Вейнбаум, А. И. Окулов, Г. И. Окулова-Теодорович, А. Г. Перенсон, Б. З. Шумяцкий и В. Н. Яковлев. Местные умеренные социалисты окрестили их «гастролерами».

Красноярцы вместе с иркутянами широко развернули среди военнослужащих и горожан работу по разъяснению политики большевиков. Они выступали с докладами и лекциями перед рабочими и солдатами на митингах, в казармах, клубах, театрах, цирке, поднимая вопросы войны и мира, революции, Учредительного собрания, убеждали слушателей в необходимости установления власти Советов. Как утверждал позднее член Окружного бюро Советов Восточной Сибири большевик А. Абов (А. А. Ансон), местные и приезжие большевики «развили по городу сокрушительную агитацию» [1, с. 113].

На съездах Советов большевики смогли добиться разных результатов, что в решающей мере было обусловлено партийным составом их делегатов. На Восточно-Сибирском съезде присутствовало 115 человек, 45 из которых были правыми эсерами, 23 — социал-демократами, 32 — большевиками и 15 — левыми эсерами. Большевики подвергли деятельность Окружного бюро резкой критике и осудили его политическую линию, заявив, что в результате Бюро превратилось из органа революционной власти в орган власти Временного правительства по преимуществу [1, с. 112—113; 65, с. 118; 67, с. 23].

Тем не менее по вопросу о текущем моменте Окружное бюро Советов смогло провести на съезде собственную резолюцию, в которой говорилось, что верховной государственной властью в стране может быть только Всероссийское Учредительное собрание, а на местах — органы земского и городского самоуправления. Что касается компетенции самого Окружного бюро, то военная секция съезда приняла резолюцию, в которой говорилось о том, что Окружное бюро является «высшей революционной властью в округе» [33]. Затем съезд закрепил за Окружным бюро звание высшего органа революционной власти в округе, главной обязанностью которого являлось «быть действительным руководителем Советов округа» [45].

Большевики и поддерживавшие их левые эсеры, понимая, что захватить Окружное бюро в свои руки у них не получится, покинули съезд. Но они смогли частично повлиять на состав Бюро. Его пополнили меньшевиками-интернационалистами и левыми эсерами, а также три места зарезервировали за большевиками [1, с. 112—113; 65, с. 118]. Однако президиум Окружного бюро остался старым, а пост его председателя сохранил за собой А. Н. Черкунов. Это означало, что местные органы Временного правительства и городская дума Иркутска могли по-прежнему рассчитывать на поддержку умеренных социалистов и руководимых ими Совдепов.

По-другому развивались события на Первом Общесибирском съезде. На нем присутствовали делегаты от 70 Советов от Тюмени и Омска на западе до Владивостока и Харбина на востоке. 28 из них являлись Советами рабочих и солдатских депутатов, 14 — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 13 — Советами рабочих депутатов, 8 — Советами солдатских депутатов, 3 — Советами крестьянских депутатов, 4 — областными и губернскими объединениями Советов [35].

Представленные на съезде Советы составляли всего лишь пятую часть имевшихся к тому времени в Сибири Совдепов, о чем его участники хорошо знали [38]. Другими словами, даже по меркам советской демократии съезд не обладал признаками легитимности. Его решения могли отражать позицию не более 10% взрослого населения, в основном рабочих промышленности и солдат тыловых гарнизонов. На съезде практически отсутствовали представители Советов крестьянских депутатов, т.е. большинства населения Сибири. Такой состав и неполнота съезда вызвали возражение со стороны умеренных социалистов против конституирования его как общесибирского и как содержащего в своем названии упоминание о крестьянских Советах.

Большинство из 184 делегатов съезда принадлежало к леворадикальным партиям: 64 являлись большевиками, 35 — левыми эсерами, 10 — социал-демократами-интерна-

ционалистами, двое — анархистами. Из остальных делегатов 50 человек были эсерами, 11 — меньшевиками, один — бундовцем, 11 — беспартийными [15, с. 5]. Председателем съезда был избран профессиональный революционер, большевик с 1903 г. А. И. Окулов. Поскольку левые радикалы в корпусе делегатов съезда преобладали, а большевики отличались повышенной активностью и доминировали, у посторонних наблюдателей складывалось впечатление, что съезд являлся чисто большевистским.

Повестка дня съезда включала вопросы о текущем моменте, тактике Советов, обороне революции и страны, о выборах в Учредительное собрание, об отношении к областничеству, аграрный, рабочий, продовольственный, транспортный и организационный вопросы, доклады с мест. Докладчиком по основному вопросу выступил А. И. Окулов, который призвал к установлению власти Советов. Во время обсуждения этого вопроса 26 эсеров, в том числе 17 депутатов-крестьян, в знак несогласия с позицией большевиков покинули зал заседаний¹ [37; 38]. В результате позиции левых радикалов на съезде усилились.

Незначительным большинством голосов большевиков и поддержавших их левых эсеров съезд принял резолюцию о необходимости установления в Сибири власти Советов. Но, как комментировала его решения иркутская газета «Сибирь», «съезд, принимая резолюцию о передаче власти Советам, не опирался в данном случае на доверие многотысячного сибирского крестьянства и, с уходом представителей крестьянства, не мог быть назван съездом Советов рабочих, солдатских и *крестьянских* депутатов» (курсив в источнике. — В. Ш.) [136]. На следующий день эту же оценку воспроизвела социалистическая газета «Единение» [35].

23 октября 1917 г. по предложению организационной секции съезда для руководства местными Советами его участники избрали Центральное бюро, переименованное впоследствии в Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири (Центросибирь), численностью в 13 человек. Вопрос о создании Центросибири с местными Совдепами не согласовывался и, следовательно, они могли ее не признать. Компетенция Центросибири на съезде также не обсуждалась, не была определена и тем более документально зафиксирована. Не очень ясным был даже состав Центросибири. Согласно официальной информации его председателем избрали большевика Б. З. Шумяцкого, заместителем председателя — эсера-максималиста Р. П. Эйдемана, секретарями — большевика Г. К. Соболевского и левого эсера К. С. Кошкина, казначеем — левого эсера И. О. Урбановича [116, с. 40; 161 с. 100—102]. Затем эта группа стала именоваться президиумом Центросибири, который и вел работу. Что касается членов Центросибири, то в разных источниках фигурируют разные фамилии.

Председателем Центросибири Б. З. Шумяцкий был избран не случайно. В 17-летнем возрасте он вступил в РСДРП и вскоре стал профессиональным революционером. В его послужном списке значились участие в Красноярском восстании 1905 г., аресты, тюремные заключения и побег, эмиграция. Февральская революция застала Б. З. Шумяцкого в Красноярске солдатом запасного полка. Весной 1917 г. он занимал в РСДРП более радикальные позиции, чем сам В. И. Ленин, считая, что лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую сохранял свою актуальность. Б. З. Шумяцкий был делегатом VII (Апрельской) партийной конференции большевиков и единственным делегатом от Сибири на VI съезде РСДРП(б). Пользуясь своим знакомством с Ф. И. Голощекиным, Я. М. Свердловым и М. С. Урицким, он попытался летом закрепиться в Петрограде. Но партийное руководство посчитало, что Б. З. Шумяцкий больше пользы

¹ После их ухода на съезде остались представители только двух крестьянских Совдепов: Катковского и Кузнецовского [38].

принесет большевикам в Сибири, поэтому с мандатом агента (представителя) ЦК он в сентябре вернулся в Красноярск [10, с. 3—88].

Революционные достоинства Б. З. Шумяцкого были хорошо известны его товарищам по партии и высоко ценились. Однако в 1917 г. стали известны документы, характеризующие его в ином свете, но ранее не получившие широкой огласки: обвинительный приговор товарищеского суда социал-демократов, вынесенный в 1914 г., и материалы судебного процесса 1915 г. по делу о восстании 1905 г. в Красноярске. В них Б. З. Шумяцкий прямо назывался лжецом, клеветником и недобросовестным журналистом, обвинялся в политической аморальности и предательстве товарищей [166, с. 50]. Не сразу, но большевики закрыли глаза на эти проступки Б. З. Шумяцкого. В условиях революции они считали важнее другие его качества: энергичность, активность и решительность, организаторский талант и литературные способности.

Для иркутян Б. З. Шумяцкий был человеком новым и неизвестным. Лишь 1 ноября в иркутской газете «Сибирь» появилась публикация «Кто такой большевик Шумяцкий?», в которой кратко пересказывались сведения, обнародованные известным эсеровским деятелем Е. Е. Колосовым в трех номерах красноярской газеты «Наш голос». Но в условиях острой межпартийной борьбы она воспринималась как попытка опорочить политического противника и никак не повлияла на популярность Б. З. Шумяцкого в революционной среде.

Центросибирь против Окружного бюро. Большевики были довольны результатами Общесибирского съезда Советов, особенно избранием Центросибири, рассчитывая использовать ее в качестве эффективного инструмента для установления власти Советов в Сибири. В действительности первое время Центросибирь мало что могла сделать и на что повлиять даже в Иркутске. Из 13 намеченных съездом в состав Центросибири членов трое в нее не вошли, двое сразу же вышли и четверо уехали [37; 38; 43]. В Иркутске остались только Б. З. Шумяцкий, И. О. Урбанович, П. М. Никифоров и М. А. Трилиссер. Центросибирь не располагала собственным исполнительным аппаратом, не имела даже помещения для канцелярии и общежития. Решив обосноваться в Белом доме, где располагались все правительственные и руководящие революционные организации, Центросибирь направила заявление на имя краевого комиссара с требованием выделить ей две комнаты [42]. Видимо, не получив положительного ответа, в начале ноября она обратилась к руководству Совета военных депутатов Иркутска с просьбой помочь решить эту проблему. 4 ноября Исполнительная комиссия Совета военных депутатов, располагавшаяся в Белом доме, но не имевшая права распоряжаться в нем, постановила «таковые подыскать» [46]. В конечном счете Центросибири удалось пристроиться в Белом доме. Правда, сначала она существовала там буквально на птичьих правах.

В то же время Центросибирь настойчиво и решительно пыталась утвердиться во власти. Видимо, в качестве образца для подражания она использовала деятельность большевиков Петрограда или прислушалась к совету вождя партии начинать с захвата телеграфа и телефона. Для начала Б. З. Шумяцкий телефонограммой, отправленной 25 октября комиссарам правительственного телеграфа, управления почтово-телеграфного округа и почтово-телеграфного союза, сообщил, что во все учреждения почтового и телеграфного ведомств он командует «своего комиссара» П. М. Никифорова «для фактического контроля над телеграфной корреспонденцией» [34]. Чтобы слова не расходились с делом, в аппаратную Иркутского телеграфа явился посланец Центросибири, который потребовал предоставить ему возможность контролировать деятельность телеграфистов.

Однако намерение Б. З. Шумяцкого захватить кавалерийским наскоком почту и телеграф успехом не увенчалось. Дело в том, что уже имелся правительственный комиссар по

Иркутскому почтово-телеграфному округу, которым по рекомендации революционных организаций был Е. М. Тимофеев, хорошо известный общественный деятель: профессиональный революционер, бывший политический каторжанин, председатель комитета общественных организаций Иркутска, председатель губернского комитета партии эсеров, председатель объединенного Совета рабочих и военных депутатов Иркутска, член Совета рабочих депутатов [151]. Пользуясь имевшимися у него полномочиями, Е. М. Тимофеев не допустил представителя Центросибири на телеграф. В ответ большевики немедленно обратились с жалобой на Е. М. Тимофеева в иркутские Совдепы. 25 октября этот вопрос стал предметом специального обсуждения на общем собрании объединенного Совета рабочих и Совета военных депутатов.

Представлявший на заседании интересы Центросибири большевик П. П. Постышев действия Центросибири аргументировал тем, что она «включает в себя представителей всех партий», является «высшей революционной властью в Сибири» и имеет «право контроля над всеми организациями и учреждениями в Иркутске». В ответ Е. М. Тимофеев, проанализировав состав делегатов Общесибирского съезда Советов, заявил, что Центросибирь «не может считаться действительным выражением воли пролетариата, армии и трудового крестьянства, и уже поэтому она не имеет права вмешиваться в действие революционной организации» [34].

После состоявшейся дискуссии были предложены две резолюции: М. А. Трилиссером от фракции большевиков и А. И. Погребецким от фракции эсеров. В резолюции большевиков утверждалось, что Центросибирь является правомочным органом сибирской советской демократии и лишение ее возможности получать и распространять информацию есть «нарушение элементарных прав общесибирской демократии».

В резолюции эсеров говорилось, что вмешательство Центросибири, даже не проинформировавшей местные органы о своем существовании, в деятельность телеграфа «не может способствовать единству работ демократии». Эсеры заявили, что Центросибирь «не должна была помимо местных органов революционной власти вмешиваться в ряды телеграфа, установленные этими органами». По мнению эсеров, Е. М. Тимофеев, назначенный органами революционной демократии комиссаром телеграфа, «в интересах порученного ему дела самостоятелен, пока пользуется доверием избравшего его органа демократии», а предписывать Е. М. Тимофееву «ту или иную линию поведения и методы работы может лишь орган, коим он назначен комиссаром» [34].

Из 40 депутатов, участвовавших в голосовании, резолюцию М. А. Трилиссера поддержали 6 человек, 30 выступили против и 4 воздержались. Резолюция А. И. Погребецкого была принята большинством голосов. Тем самым на открытом советском политическом поприще Центросибирь потерпела чувствительное поражение. Пожалуй, единственным плюсом этой схватки для нее стала более широкая известность в Иркутске. Стычка также показала, что трещина в рядах революционной демократии, обнаружившаяся на Втором восточносибирском и на Первом общесибирском съездах Советов, продолжает углубляться и расширяться. Об этом же свидетельствовала реакция Центросибири на свое фиаско.

Центросибирь решила немедленно взять реванш. В тот же день она подготовила текст, в котором говорилось, что власть в Иркутске захвачена комиссарами Временного правительства, действующими под флагом революционной демократии; что они изолировали Центросибирь от железнодорожного телеграфа, натравливают на ее членов население; что правые эсеры вооружают юнкеров пулеметами, минометами и гранатами. Этот текст Центросибирь отправила письмом Черемховскому Совдепу с просьбой срочно передать его телеграфом всем Советам Сибири [42].

Не очень понятно, выполнили ли черемховцы эту просьбу. Но совершенно точно утром 27 октября они отправили текст телеграфом в Иркутск на имя краевого комиссара Временного правительства. На следующий день, 28 октября, послание Центросибири оказалось в распоряжении Окружного бюро Советов Восточной Сибири и стало предметом его обсуждения с участием Б. З. Шумяцкого.

Видимо, содержание телеграммы ошеломило большинство членов Окружного бюро. Они считали, что такая телеграмма может вызвать волнение на местах, и прежде всего хотели узнать, действительно ли ее текст принадлежит Центросибири. На этот вопрос Б. З. Шумяцкий ответил утвердительно, добавив, что «убежден в справедливости всего сказанного в телеграмме»¹ [42].

В ходе обсуждения вопроса большинство выступивших членов Окружного бюро конкретно указали на случаи подмены в телеграмме одних понятий другими, несоответствие утверждений действительности, неверное ее освещение, передергивание и даже извращение фактов. Особое внимание выступавшие обратили на содержащееся в телеграмме утверждение о том, что правые эсеры вооружают юнкеров. Они заявили, что «им не известно, чтобы соц[иалисты]-р[еволюционеры] вооружали юнкеров для выступления против кого-то. Пулеметы, бомбометы и гранаты имеются в каждом военно-учебном заведении, и говорить о каком-то вооружении не приходится... Вооружать юнкеров нет надобности, т. к. они всегда вооружены» [42].

Почти все выступавшие отрицательно высказались о телеграмме Центросибири, назвав ее «дезорганизаторской и недопустимой для какой-либо революционной организации». Один из членов Бюро даже прямо заявил, что на заданные ему вопросы Б. З. Шумяцкий не дал прямых ответов, а меньшевик-интернационалист Н. Протопопов указал на то, что председатель Центросибири в своем поведении заимствует тактику иезуитов, в соответствии с которой цель оправдывает средства [42].

В дальнейшей полемике Б. З. Шумяцкий уклонился от обсуждения текста телеграммы, а перешел в контрнаступление, переключив внимание с ее содержания на недостатки в деятельности Бюро, упрекая его в нетактичности и в нежелании определить свое отношение к Центросибири. Принявший участие в дискуссии большевик М. А. Трилиссер дополнительно обвинил Окружное бюро в том, что оно фактически вступило в борьбу с Центросибирью и солидаризировалось с агентами Временного правительства, действующими «против Советов всей Сибири и в его лице против всей сибирской демократии» [43].

По итогам рассмотрения вопроса Окружное бюро приняло резолюцию, в которой квалифицировало сообщения, содержащиеся в телеграмме Центросибири, как не соответствовавшие действительности и выразило сожаление по поводу того, что «выборная организация части Советов Сибири оказалась так неразборчива в средствах междоусобной борьбы в рядах самой революционной демократии». За эту резолюцию высказалось 13 членов Бюро, 1 воздержался, но 9 человек отказались голосовать в принципе, мотивируя свою позицию отсутствием фактов, подтверждающих или опровергающих содержащиеся в телеграмме утверждения [39; 43; 139]. Тем не менее было очевидно, что второй раунд борьбы за влияние в советских кругах Иркутска Центросибирь опять проиграла Окружному бюро.

¹ На состоявшемся 4 ноября общем собрании Иркутской организации эсеров член Центросибири И. О. Урбанович публично заявил следующее: «... Указываемая телеграмма составлялась без меня. О посылке ее я не знал, не знали об этом и мои товарищи» [144]. Вероятно, Б. З. Шумяцкий составлял телеграмму один или совместно с М. А. Трилиссером, который входил тогда в его ближайшее окружение.

Третий раунд борьбы между ними не заставил себя долго ждать. Нападала опять Центросибирь, которая отправила в Окружное бюро два документа, почему-то называвшихся заявлениями. 1 ноября Бюро их рассмотрело. В одном из заявлений говорилось о том, что в местной тюрьме уже третий день идет голодовка. Речь явно шла о солдатах 9, 11 и 12-го полков, которые были арестованы за нарушение воинской дисциплины и участие в незаконных митингах в конце сентября. Проявление заботы об арестованных должно было прибавить Центросибири авторитета в солдатской среде, что было сделано своевременно и грамотно. Но поскольку заниматься столь мелкой проблемой у Центросибири не было ни людей, ни желания, она предложила Окружному бюро «принять меры к ликвидации голодовки». Обсудив вопрос, Бюро поручило члену Окружного бюро Линецкому выяснить причины голодовки и предпринять необходимые шаги для ее прекращения. Линецкий и член Исполнительной комиссии посетили тюрьму, прояснили состояние питания в ней и добились прекращения голодовки арестованными [43; 142].

Во втором заявлении, содержавшем постановление Центросибири и подписанном казначеем И. О. Урбановичем, Окружному бюро предлагалось «произвести подготовку к реформированию Советов солдатских депутатов в своем округе на основании положений, принятых на Общесибирском съезде». В ходе обмена мнениями члены Окружного бюро называли это предложение Центросибири «по меньшей мере странным», поскольку такие положения не были ему известны, а Центросибирь даже не удосужилась их прислать вместе с заявлением.

Кроме того, Бюро сочло необходимым сообщить Центросибири свою принципиальную позицию по данному вопросу: оно «никогда не навязывало Советам тот или другой тип их конструкции... предоставляя Советам организоваться в зависимости от установившихся у них традиций». Именно в таком духе Окружное бюро составило ответ, который решило отправить не Центросибири, а на имя подписавшего заявление И. О. Урбановича [43].

В дальнейшей борьбе за влияние на советском пространстве Центросибирь применяла против Окружного бюро разные способы. 30 октября она, можно сказать, предприняла прямую атаку: член Окружного бюро большевик Молотковский предложил признать Центросибирь высшей советской инстанцией, «директивы которой должны исполняться». Но большинством членов Бюро это предложение было отклонено [45].

Затем состоявшие в Окружном бюро большевики и их сторонники неоднократно предлагали специально рассмотреть вопрос о взаимоотношении Центросибири и Окружного бюро, чтобы официально выяснить, кто есть кто из них в Иркутске. Председатель Окружного бюро А. Н. Черкунов принципиально против выяснения этого вопроса не возражал, но при поддержке умеренных социалистов от его обсуждения уклонялся, поскольку партийно-политические позиции некоторых членов Бюро не отличались устойчивостью и существовала вероятность того, что кто-то из них дрогнет перед Центросибирью. Возможность постановки вопроса о взаимоотношении Центросибири и Окружного бюро А. Н. Черкунов связывал с пополнением состава Бюро новыми представителями от местных Советов.

Показательно, что в стремлении утвердиться на вершине советской властной пирамиды Б. З. Шумяцкий на заседании Окружного бюро сделал даже такое заявление: «Центросибирь не возьмет на себя работу Окружного бюро, если возьмет всю власть». Иначе говоря, в случае взятия власти в свои руки Центросибирь брала на себя обязательство не вмешиваться в круг деятельности Бюро. Но обещание Б. З. Шумяцкого не возымело действия, и члены Бюро такую «приманку» проигнорировали [43].

Вскоре последовала новая атака. 20 ноября заместитель председателя Окружного бюро меньшевик-интернационалист Н. Протопопов, к тому времени сблизившийся с большевиками, внес предложение распустить Окружное бюро. Свое предложение он аргументировал тем, что «многие из членов Бюро не ведут линии поведения своих Советов». Большинство членов Бюро не согласилось с Н. Протопоповым, посчитав, что в такой опасный момент самоупразднение «совершенно недопустимо», и приравнивало его к дезертирству. Оно считало, что Бюро находится в стадии конструирования, его состав еще не полностью обновлен и с включением в Бюро новых членов связывало обновление его политической физиономии и линии поведения. Исходя из таких соображений, Бюро постановило «предложить Советам, не приславшим в Бюро [своих] делегатов, поспешить [с] высылкой таковых» [53].

Вслед за тем Центросибирь попыталась вновь войти в конфликт с Окружным бюро, предложив ему созвать 7 января 1918 г. съезд Советов Восточной Сибири. Это было прямое вмешательство в компетенцию Окружного бюро, оскорбляющее достоинство его членов. Бюро отклонило рекомендацию Центросибири, ссылаясь на то, что оно еще находится в стадии организации и представители местных Советов, выделенные в его состав, продолжают прибывать. Возможность созыва такого съезда Советов Бюро допускало только в случае, если бы за его проведение высказалось большинство местных Совдепов. С этой целью оно приняло решение обратиться с соответствующим запросом в Советы, входившие в объединение Восточной Сибири [60].

Приведенный фактический материал ставит под сомнение высказанную в литературе точку зрения о том, что Окружное бюро было подчинено Центросибири как высшему советскому органу края [65, с. 118]. Напротив, можно утверждать, что Центросибирь, вступив в борьбу с Окружным бюро, дебютировала в Иркутске крайне неудачно. Она проиграла Окружному бюро несколько раундов борьбы на советском поприще и на некоторое время даже дискредитировала себя своим поведением. Больше месяца, до начала декабря 1917 г., Окружное бюро препятствовало Центросибири утвердиться на советском Олимпе, выступая на стороне Временного правительства и защищая сложившуюся в Иркутске политическую конфигурацию. Такая позиция Окружного бюро позволяла жителям Иркутска считать социальное и политическое положение в их городе относительно устойчивым, спокойным и благополучным на фоне остальных городов Сибири в тревожное военно-революционное время.

К концу ноября в Иркутск прибыли новые представители нескольких местных Совдепов, делегированные для работы в Окружном бюро Советов Восточной Сибири. Утром 1 декабря в Белом доме состоялось совещание, в котором приняли участие 35 членов Бюро. Прежде всего они произвели пере выборы президиума Бюро. В связи со значительным обновлением состава Бюро резко изменился и его президиум. Из старых членов в нем остался только А. Н. Черкунов, сохранивший за собой пост председателя. Товарищами председателя были избраны представитель Совета крестьянских депутатов эсер Буторин и большевик солдат Рейзахер, секретарями — левый эсер солдат П. П. Петров и эсер прапорщик Голенков [84; 156]. Формально умеренные социалисты сохранили свои позиции в руководстве Бюро. Но благодаря увеличению численности и обновлению состава Бюро в значительной степени за счет большевиков и их соратников его вес и значение резко снизились. Оно перестало восприниматься как самостоятельный и влиятельный политический игрок.

25 октября 1917 г. в Иркутске. За три года войны главным тревожащим иркутян фактором были сведения с фронта. Но с лета 1917 г. к ним добавились вести из столицы. Особое беспокойство с середины октября стали вызывать слухи о том, что большевики хотят свергнуть Временное правительство и установить власть Советов.

25 октября иркутяне получили из Петрограда, Москвы и Самары по разным каналам и из разных источников очень невнятную информацию, свидетельствующую о том, что в столице неспокойно. В тот же день в Иркутске состоялось совещание у краевого комиссара Временного правительства и несколько заседаний: Окружного бюро Советов Восточной Сибири, комитета Совета рабочих депутатов и Исполнительной комиссии Совета военных депутатов, объединенного комитета Совета рабочих депутатов и Совета военных депутатов, комитетов партийных организаций меньшевиков, эсеров и энесов, городской думы и ряда других организаций.

Формально на них обсуждался один и тот же вопрос: события в Петрограде. Реально речь шла в основном о том, что необходимо сделать в Иркутске, чтобы защитить демократические завоевания революции в случае, если дестабилизацией политической обстановки из-за попыток большевиков установить власть Советов в Петрограде воспользуются анархические и контрреволюционные элементы в Иркутске. В процессе обсуждения этой жгучей темы выявились две противоположные точки зрения. Одну из них артикулировали большевики, другую — умеренные социалисты и кадеты.

Впервые позиции сторон открыто проявились 25 октября 1917 г. на заседании Окружного бюро Советов Восточной Сибири. Большевики заявили, что власть необходимо передать Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, поскольку они — «единственные организации, стоящие на страже революции и объединяющие только настоящую революционную демократию». По их мнению, в текущей обстановке, когда нужна защита революции, власть «должна быть свободна от каких-либо цензовых элементов, должна быть классовая». Они предлагали учредить в Иркутске новый орган, главную задачу которого видели в борьбе за установление власти Советов [35].

Умеренные социалисты считали иначе. Они полагали, что России необходима власть на основе демократической коалиции, состоящей из Совдепов, органов земского и городского самоуправления. Возражая большевикам, они утверждали, что Советам власть не может быть передана по ряду причин: большинство демократии выступает против захвата власти Советами; такой переход власти вызовет гражданскую войну; Советы не представляют всей демократии, так как существуют и другие демократические организации. Умеренные социалисты считали, что требование передачи всей власти Советам «грозит окончательно похоронить все завоевания революции» [35].

При голосовании резолюция большевиков получила 6 голосов за, 14 против, 4 воздержались. За резолюцию умеренных социалистов, внесенную эсерами, высказались 14 человек, против — 11. Примерно в это же время состоялись заседания комитета Совета рабочих депутатов, Исполнительной комиссии Совета военных депутатов, комитета объединенной организации РСДРП. Все они высказались против передачи власти Советам и за создание в Иркутске нового коалиционного органа местной власти.

На заседании комитета Совета рабочих депутатов фракция меньшевиков так определила состав этого органа, поименовав его объединенным комитетом: Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профессиональные союзы, социалистические партии, городские и земские самоуправления. Его главные задачи меньшевики видели в том, чтобы противодействовать попыткам развязать гражданскую войну и анархическим выступлениям, добиваться сохранения на местах существующего положения.

В противовес меньшевикам фракция большевиков предложила «немедленно образовать» новые органы, к которым должна перейти вся полнота власти на местах. В состав этих органов большевики предложили включить только представителей Совдепов, профессиональных союзов и социалистических партий. Но комитет Совета рабочих депута-

тов отверг резолюцию большевиков и принял резолюцию меньшевиков, которую поддержала фракция эсеров [34].

Наиболее серьезная схватка по вопросу о том, что делать в Иркутске в условиях политической неопределенности в Петрограде, произошла 25 октября на длившемся целый день объединенном заседании Окружного бюро Советов Восточной Сибири, комитета Иркутского Совета рабочих депутатов, Исполнительной комиссии Иркутского Совета военных депутатов, представителей городского самоуправления и социалистических партий. Открывший заседание Е. М. Тимофеев сразу же очень четко обозначил свою позицию. Со ссылкой на уже известные ему резолюции Окружного бюро Советов и комитета Совета рабочих депутатов он заявил о необходимости учредить комитет для поддержания порядка в городе. В качестве центра такого комитета Е. М. Тимофеев предложил использовать городскую думу, вокруг которой рекомендовал сгруппироваться представителям всех революционно-демократических организаций и политических партий.

Завязалась довольно острая дискуссия. Е. М. Тимофеева поддержал председатель Исполнительной комиссии Совета военных депутатов прапорщик П. Галкин, сообщив, что она большинством в 22 голоса против 7 только что присоединилась к мнению Окружного бюро. Эсер М. С. Фельдман заострил внимание на том, что большевики, составляющие меньшую часть революционной демократии, навязывают ей свою точку зрения, и квалифицировал такое поведение как недопустимое. Он высказался за то, чтобы власть в России принадлежала не Советам, а Учредительному собранию, и заявил, что передача власти Советам может отдалить выборы в Учредительное собрание.

Большевик Я. Д. Янсон в очередной раз обозначил принципиальную позицию левых радикалов: необходимо всю власть в России передать Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Что касается Иркутска, то Я. Д. Янсон не постеснялся предложить заседанию принять резолюцию большевиков, только что отвергнутую комитетом Совета рабочих депутатов. Большевик П. П. Постышев в пользу установления власти Советов прибег к аргументу, позволяющему, вслед за газетой «Единение», отнести его к числу наиболее изворотливых полемистов, назвать непревзойденным мастером цинизма и демагогии. «Только власть Советов, — заявил П. П. Постышев, — может довести страну до Учр[едительного] собрания» [34].

Яркую речь с аргументированной критикой политики и деятельности большевиков произнес эсер прапорщик Г. И. Поршневу: «Хотя и много уже говорилось о власти Советов, но не мешает еще раз в эту тревожную минуту выяснить окончательно и ясно наши позиции. Соц[иалисты]-револ[юционеры] и меньшевики должны раз и навсегда твердо заявить большевикам нет; не должно быть власти Советам при существующем соотношении сил. Советы никогда не уклонялись от организации власти, особенно на местах, и здесь, в сущности, вопрос не в том, чтобы передать им власть, а в том, чтобы эта власть принадлежала в сущности большевикам» [34].

Предложенная большевиком А. М. Трилиссером резолюция получила всего 15 голосов за, 57 против и 7 человек воздержались. За резолюцию, предложенную от Окружного бюро Советов, проголосовало 55 человек, против — 21 и 23 воздержались. В ней говорилось, что лозунг перехода государственной власти лишь к одним Советам при сложившейся в настоящий момент обстановке «грозит окончательно похоронить все завоевания революции». Для наиболее безболезненного предотвращения назревавшего конфликта, сохранения спокойствия и в целях изоляции контрреволюции признавалось необходимым немедленное создание на местах, в том числе в Иркутске, авторитетных органов в лице временных исполнительных комитетов. В их состав рекомендовалось включить

представителей Совдепов, городских и земских самоуправлений, профсоюзов и социалистических партий [34].

Поздно вечером состоялось чрезвычайное заседание Иркутской городской думы. Ее руководство проинформировало гласных о ситуации в Петрограде. Из четырех имевшихся на то время в его распоряжении телеграмм было понятно, что большевики пытаются свергнуть Временное правительство, но результат их усилий оставался не ясен. Гласные в основном выражали беспокойство обстановкой в столице. И. Г. Гольдберг от фракции эсеров предложил, по аналогии с реакцией на выступление генерала Л. Г. Корнилова, созвать в думе объединенное заседание общественных организаций. Н. А. Фишман от фракции меньшевиков внес предложение учредить орган, в котором бы объединилась вся местная демократия для недопущения анархии и проведения выборов в Учредительное собрание. Эсер В. Р. Пророков сообщил, что только что состоявшееся в Белом доме заседание Совдепов приняло решение о создании нового органа из представителей городского самоуправления, земства и революционных организаций. Фракция большевиков, учитывая, видимо, неопределенность положения в Петрограде, на этот раз вела себя довольно сдержанно. Ее главный оратор в городской думе доктор Н. А. Алексеев ограничился невнятной полемикой с выступившими до него, но поддержал предложение о создании нового органа, который он предложил назвать объединенным Советом, заявив, что дума должна в решении этого вопроса проявить инициативу и встать во главе такого органа [69, с. 145—150].

В итоге городская дума приняла резолюцию, в которой основными задачами текущего момента назвала борьбу с ведущими к гражданской войне попытками захвата власти и анархическими выступлениями, грозящими победой контрреволюции; стремление к сохранению существующего в городе порядка, создание объединенного комитета из представителей городского и земского самоуправления, Совдепов, профсоюзов и политических партий. Эта резолюция была принята всеми при одном воздержавшемся [69, с. 151]. Таким образом, 25 октября во всех общественно-политических структурах Иркутска требование большевиков о необходимости передачи всей власти Советам было довольно единодушно отвергнуто.

На повестке дня «текущий момент». На следующий день прошло еще несколько мероприятий, посвященных так называемому «текущему моменту», под которым подразумевались события в Петрограде и предложение большевиков о передаче власти Советам. Их результаты различались между собой, но в основном совпадали с теми, что были приняты днем раньше. Например, 26 октября резолюции против перехода власти к Совдепам приняли общее собрание офицеров и юнкеров 2-й школы прапорщиков и общее собрание офицеров, юнкеров и солдат 3-й школы прапорщиков. Точно такую же резолюцию вынес 10-й запасной полк, тогда как собрание полкового, ротных и командных комитетов 12-го полка, напротив, поддержало резолюцию большевиков [36—38; 138].

Впрочем, такая позиция комитетов 12-го полка была не случайной, а, скорее, вполне ожидаемой. В этом полку было много уголовно-амнистированных, а старшим врачом служил доктор Н. А. Алексеев, социал-демократ с 1897 г., участник III съезда РСДРП, большевик и сторонник В. И. Ленина [120, с. 31—32]. Обследовавший этот полк член РСДРП с 1901 г., бывший политкаторжанин И. И. Генкин составил после его посещения такое мнение: «...солдаты этого полка производят впечатление людей отсталых в культурном отношении, желчных и озлобленных. Заручившись их доверием и играя на их озлоблении, их легко натравить не только на “буржуев” и юнкеров, но и на демократическую и социалистическую интеллигенцию, но что с ними можно было прокладывать

проектируемые большевиками пути к социалистической революции, в этом можно сомневаться...» [64].

Весьма напряженно прошло собрание, которое состоялось вечером 26 октября и получило название объединенного заседания всех военных депутатов. На нем присутствовали представители Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, полковых и ротных комитетов, военного училища и школ прапорщиков, артиллерийских батарей, казачьего дивизиона, союза военных врачей и других общественных организаций. Количество участников мероприятия достигло почти 700 человек, преимущественно солдат. В качестве желающих выступить записалось 32 участника.

Вел собрание Е. М. Тимофеев. Первыми выступали большевики, а задавали тон их лидеры Н. А. Алексеев, К. Н. Гершевич, И. С. Шевцов и Б. З. Шумяцкий. Оппонировали им тоже известные меньшевики и эсеры — Н. С. Калашников, Г. И. Поршневу, А. Т. Самохин и Н. А. Фишман.

По утверждению газеты «Сибирь», вопрос о власти «вызвал страстные прения». Описывая атмосферу собрания, газета обратила внимание на агрессивное поведение части публики: «Солдаты, тяготеющие к большевизму, ораторам небольшевикам не дают говорить, ежеминутно прерывают их возгласами; большевики посылают по адресу этих ораторов разные эпитеты. Ораторы [в свою очередь] кричат: “Товарищи! Мы за свободу слова боролись не меньше вашего, и поэтому вы должны нас выслушать”». Газета не стала приводить речи выступавших, мотивируя свое решение тем, что «доводы за и против передачи власти Советам повторяются ораторами ежедневно на всех собраниях и всем известны» [137].

Но газета «Единение» не последовала этому совету и привела несколько выступлений разных ораторов, хорошо свидетельствовавших не только об используемых ими аргументах, но и о достоверности их речей. Вот что, например, заявил Б. З. Шумяцкий: «Народ одурачивают, говоря, что захватывают власть большевики. [Временное] правительство, опирающееся на Каледина, на казаков, без сомнения контрреволюционное». Странную реплику бросил Н. А. Алексеев. «Неправда, что только большевики захватывают власть, — заявил он. — [Петроградский] революционный комитет образовался из трех большевиков и двух эсеров. Где же тут одни большевики?». Большевику Лобанову, видимо, настолько понравилось утверждение П. П. Постышева, что он не постеснялся его повторить: «Вопреки всем уверениям, мы, большевики, не хотим срывать Учредительного собрания» [37].

На большевистскую ложь в очередной раз достойно ответил эсер Г. И. Поршневу: «Несмотря на все уверения здесь, мы знаем, что вопрос идет не о власти Советов, а о власти большевиков. Мы должны с этим бороться, мы должны приступить к совершенно новой организации власти». При голосовании мнения участников собрания, имевших право голоса, разделились так: за резолюцию большевиков высказалось 160 человек, за резолюцию эсеров, меньшевиков и социал-демократов интернационалистов — 190. Результаты голосования были встречены громкими аплодисментами [37; 137].

Собрания разного рода коллективов имели большое значение и выполняли как минимум двоякую роль. С одной стороны, они позволяли местным властям и поддерживавшим их умеренным социалистам оперативно информировать население о политической ситуации в Петрограде в нужном им ключе, с другой — давали возможность мониторить настроение и поведение разных групп городского населения, учитывать его в своей текущей деятельности.

На основании итогов такого наблюдения за 25—28 октября 1917 г. газета «Единение» сообщала: «В Иркутске: настроение в городе устойчивое. 28 октября образован [времен-

ный] комитет охраны революционного порядка из представителей политических партий, Совета всех депутатов, [профессиональных] союзов почтового и железнодорожного; приняты энергичные меры по охране безопасности граждан и учреждений; попыток захвата власти большевиками не было; учреждения работают нормально; большевики пали духом; их центр Советов (имеется в виду Центросибирь. — *В. Ш.*) бессилен благодаря непризнанию за ним прав» [38].

Не исключено, что это газетное сообщение не вполне отвечало противоречивым и неустойчивым общественно-политическим реалиям Иркутска того времени. Сошлемся на приказы, изданные в те же дни командующим войсками Иркутского военного округа генералом С. Н. Самариним, в которых выражалось беспокойство насчет состояния гарнизона и положения в городе. «... Уже несколько дней какие-то темные силы распускают по городу различные вздорные слухи, — говорится в приказе от 31 октября. — То пускают слух о том, что офицеры и юнкера вооружаются какими-то бомбами и минометами, чтобы начать борьбу с солдатами, то, наоборот, говорят о том, что солдаты будут отбирать оружие у юнкеров и офицеров» [40; 141]. В другом приказе командующий войсками округа с тревогой констатировал, что некоторые солдаты «хотят сами и уговаривают своих товарищей с оружием в руках навязать свою волю народу, передать власть Советам немедленно» [37; 140].

Тревожные вести из Петрограда, опасения хаоса и погромов на почве обострения продовольственного вопроса побудили городскую думу 28 октября учредить Временный комитет по охране революционного порядка, который она рассматривала как своеобразное ядро, вокруг которого будут группироваться социалистические партии, Совдепы, железнодорожный и почтово-телеграфный союзы и другие общественные организации. Этот комитет, в свою очередь, выделил из себя в качестве чрезвычайного органа власти революционную комендатуру в составе трех человек: Е. М. Тимофеева, члена РСДРП с 1900 г., гласного городской думы Н. П. Патлых и прапорщика С. Мелентьева [37].

Постановлением Временного комитета в ведение комендатуры должны были поступить все воинские силы и гражданские учреждения «для действительного поддержания общественно-революционного порядка». Начальники воинских частей и войсковых организаций были поставлены в известность, что могут вызываться только распоряжением комендатуры, а всякое выступление, грозящее нарушением революционного порядка, будет пресекаться со всей решимостью. С согласия Окружного бюро Советов начальник Иркутского военного округа генерал Н. С. Самарин издал это постановление своим приказом по войскам [37]. Организационные мероприятия городской думы свидетельствовали о том, что она попыталась реально взять власть в Иркутске в свои руки, в том числе в военной сфере.

В тот же день Временный комитет по охране революционного порядка обратился к гражданам Иркутска с большим воззванием, в котором осудил меньшинство революционной демократии, попытавшееся насильно захватить верховную власть в стране, назвал это безумной попыткой, «грозящей смести и выборы в Учредительное собрание, и те завоевания русской революции, за которые заплачено было дорогой ценой крови и жертв». Временный комитет призвал граждан «сплотиться вокруг него и поддержать его в борьбе со всякими преступными попытками нарушить установившийся революционный порядок» [139].

Откликаясь на это обращение, 28 октября совет делегатов профессионального союза служащих правительственных учреждений Иркутска и Иркутской губернии на экстренном заседании осудил стремление большевиков к захвату власти накануне выборов в Учредительное собрание как предательство и измену революции и республике. В целях

участия в охране революционного порядка в Иркутске совет делегатов постановил избрать двух представителей в Комитет защиты революции. В Союзе работников городского самоуправления Иркутска был поставлен вопрос о необходимости провести забастовку в случае захвата власти большевиками. Сотрудники правительственного телеграфа и телеграфисты Управления Забайкальской железной дороги заявили, что не допустят контроля или захвата телеграфа. Аналогичное решение приняли почтово-телеграфные служащие Иркутска. О готовности защищать Временное правительство и Учредительное собрание заявил Союз георгиевских кавалеров Иркутского военного округа. Состоявшееся 29 октября объединенное заседание представителей нестроевых частей (штаба округа, окружного артиллерийского управления, окружного военно-санитарного управления, военно-топографического отдела, Иркутской местной бригады, Иркутской военной гимназии, прокурорского надзора и др.) большинством голосов при двух воздержавшихся постановило поддерживать Временное правительство до созыва Учредительного собрания. В тот же день Иркутская организация народных социалистов квалифицировала стремление большевиков захватить власть как пагубную попытку узурпации прав Учредительного собрания [37; 139; 140].

Но наибольшую активность проявляли не те слои горожан и военнослужащих, на которые главным образом ориентировался Временный комитет по охране революционного порядка, а рабочие и особенно солдаты, которые плохо разбирались в политике, но имели много свободного времени, желали приобщиться к политической жизни и продемонстрировать свою позицию и силу. 29 октября именно благодаря им в Иркутске состоялось два крупных мероприятия, свидетельствовавших о серьезных изменениях в настроении части рабочих и солдат.

Одно из них насчитывало 180 человек и называлось собранием рабочих организаций, членов Совета рабочих депутатов, рабочих заводских комитетов и членов правлений союзов. Из кого оно состояло на самом деле, не очень понятно. Судя по составу президиума собрания, в который были избраны большевики В. В. Рябиков, Я. Д. Янсон и примыкавший к большевикам меньшевик-интернационалист И. В. Малозовский, инициаторами мероприятия являлись радикалы, хотя под опубликованным извещением о собрании значилась подпись комитета Совета рабочих депутатов. Доклад о петроградских событиях сделал Я. Д. Янсон, с контрдокладом выступил меньшевик М. С. Фельдман. В состоявшейся дискуссии за передачу власти Советам высказались шесть человек, против — трое.

Как сообщила газета «Единение», собрание «после горячих прений» большинством голосов (по одним данным, 116 за, 64 — против и 5 воздержались, по другим — 104 за, 64 против и 4 воздержались) поддержало резолюцию фракции большевиков о передаче власти Советам. Собрание высказалось против участия рабочих депутатов в Комитете по охране революционного порядка, назвав его самозванным и «имеющим явную тенденцию превратиться в комитет для подавления революционной борьбы левой части демократии», заявило о необходимости возложить борьбу против контрреволюции, погромов и анархии на Совдепы, в том числе путем организации рабочей гвардии [37; 38].

Кроме того, собрание обсудило вопрос о перевыборах Совета рабочих депутатов. Вопрос был поставлен на голосование и дал вполне ожидаемые результаты: 98 присутствовавших высказались за перевыборы и всего лишь 7 человек — против. К перевыборам было решено приступить в самое ближайшее время, после чего избрать также новый состав комитета Совдепа [70].

Другое крупное мероприятие, состоявшееся 29 октября, называлось объединенным заседанием военных депутатов Иркутского гарнизона. В нем приняло участие не менее 900 человек. Правда, имеющиеся документы не позволяют точно определить, кто были

эти депутаты, какие воинские части они представляли и кто их созвал. Председателем заседания был избран известный общественный деятель, редактор газеты «Единение», меньшевик М. М. Константинов. В повестке дня стоял только один вопрос — «текущий момент». О смысле текущих событий, о путях выхода из возникшей в столице тревожной ситуации и о том, что делать и чего не делать в такой обстановке в Иркутске — вот о чем в основном шла речь. Борьба на заседании развернулась между двумя фракциями, представленными большевиками и их соратниками в одном случае, меньшевиками и эсерами — в другом.

От каждой фракции выступили по три человека. От большевиков и левых эсеров это были Б. З. Шумяцкий, Р. П. Эйдеман и Я. Д. Янсон, от меньшевиков и эсеров — З. Д. Вульфсон, И. Г. Гольдберг и Н. А. Чичинадзе. Также получил слово член Иркутского крестьянского союза.

Прения носили довольно напряженный характер. Корреспондент газеты «Сибирь» отмечал поведение части публики, похожее на то, какое он уже наблюдал на собрании 26 октября: «Ораторов-небольшевиков часто прерывали, задавали довольно наивные вопросы. Так, напр[имер], один из многочисленных солдат, тяготеющих к большевизму, задал вопрос, что даст Учредительное собрание? Пожалуй, не больше, что и созываемые при царском режиме 4 Государственные думы [?]» [139].

Столь же показателен еще один эпизод на этом собрании, который журналист описал так: «Когда член Иркутского губернского крестьянского союза, которого раньше собрание как крестьянина слушало с напряженным вниманием, стал оглашать принятую крестьянским союзом резолюцию против передачи власти Советам, в зале поднимается невообразимый шум, раздаются крики “Долой!”, и председателю собрания М. М. Константинову с большим трудом удается водворить порядок» [139].

Большевики предложили резолюцию, в которой к традиционному требованию передачи власти Советам присовокупили отмену смертной казни и установление контроля над производством. Меньшевики и эсеры внесли в свои требования еще более значимые коррективы и дополнения. В противовес большевикам они высказались за создание однородной социалистической власти без участия представителей буржуазии, за созыв Учредительного собрания в назначенный срок и объединение всех советских организаций в Учредительном собрании для решения вопросов о мире, о земле, о государственном контроле за промышленностью, за усиленное обложение налогами имущих классов. Предложения умеренных социалистов как минимум не уступали большевистским по своей значимости и привлекательности. Однако при голосовании они получили намного меньше голосов. Резолюцию большевиков поддержали 598 человек, тогда как меньшевиков и эсеров — всего 230 депутатов [139; 141]. Складывается такое впечатление, что позиции участвовавших в голосовании определялись уже не содержанием резолюций в целом, а тем, кто их предлагал, и содержалось ли в них требование взятия власти Советами¹.

Обращает на себя внимание также большая разница в итогах голосования по одному и тому же вопросу 26 и 29 октября. Возможно, такое различие было обусловлено несовпадением состава участников мероприятий. Но не исключено, что более близок к действительности был генерал С. Н. Самарин, утверждавший в своем открытом письме в газету следующее: «90% солдат благодаря своей темноте совсем еще не разбирается в политике. Сегодняшний большевик завтра может быть и меньшевик, и наоборот» [62].

¹ Месяц спустя на эту закономерность обратил внимание председатель Иркутского комитета РСДРП М. М. Константинов: «Что скажет Шумяцкий, за ним слепо шли его последователи. Бывало иногда, что с нами соглашались, но голосовали против. Председатели обоих собраний Шумяцкий и Постышев подчеркивали, что одни предложения вносились *большевиками*, а другие — *небольшевиками*» [152].

Результаты голосования не прошли бесследно. Поскольку гарнизонное собрание поддержало резолюцию большевиков за установление власти Совдепов, то возглавляемая эсерами Исполнительная комиссия Совета военных депутатов, имевшая другую точку зрения, приняла решение немедленно сложить свои полномочия. Она предложила воинским частям избрать в состав Совета новых депутатов, а обновленному Совдепу сформировать новую Исполнительную комиссию [139]. Благодаря использованию таких неинституализированных форм деятельности, как заседания и собрания, без четко обозначенных критериев допуска для участия в них, большевики довольно успешно продвигали в рабочую и солдатскую массу свои взгляды и впервые добились необходимых им результатов.

С явным опозданием отреагировало на политическую обстановку в Петрограде и в Иркутске Окружное бюро Советов. Только 30 октября оно решило обсудить вопрос «О выпуске листка в связи с текущими событиями». Голоса членов Бюро по этому вопросу разделились. Противники издания листка свой отказ мотивировали тем, что соответствующее постановление Бюро уже состоялось и всем местным Советам было предложено организовать комитеты для охраны порядка.

Сторонники выпуска листка считали, что такой краткой рекомендации недостаточно. Они предлагали подготовить и по телеграфу срочно распространить среди населения воззвание с указанием на серьезность положения, в котором оказалась Россия накануне выборов в Учредительное собрание, потребовать недопущения каких-либо вооруженных выступлений, предложить сконцентрировать революционные силы вокруг Советов, а также создать комитеты для охраны порядка и борьбы с контрреволюцией. Воззвание было поручено составить к следующему дню А. Н. Черкунову и Г. И. Поршневу [45].

Видимо, требование Окружного бюро о недопущении вооруженных выступлений не было дымом без огня. Еще 30 октября на каком-то объединенном заседании представители большевиков заявили, что «никакие выступления, не только вооруженные, но и мирные, большевиками допущены не будут» [140]. На следующий день на заседании Окружного бюро большевик М. А. Трилиссер, якобы опровергая запущенные кем-то в городе «гнусные провокационные слухи» о выступлении Центросибири и большевиков, официально заявил, что «никакие выступления ими в данный момент не предпринимаются и не считаются допустимыми». Одновременно такое же заявление сделал комитет Иркутской организации РСДРП(б) [38; 141].

Любопытно, что через день, 2 ноября, комитет большевиков принял решение об организации рабочей гвардии и решил ходатайствовать о ее немедленном вооружении. Необходимость в образовании такой гвардии, основанной на классовом принципе, обосновывалась призывом комитета по охране города к иркутянам учреждать добровольческие дружины для защиты жизни населения и его имущества [71].

Со значительной задержкой, только 7 ноября, подали свой голос находившиеся в Иркутске представители верховной власти. Это были комиссар Временного правительства по Восточной Сибири, председатель Краевого комитета общественных организаций А. Н. Кругликов, оказавшиеся по делам службы в Иркутске Верховный комиссар Сибирской железной дороги, товарищ министра путей сообщения на правах министра Л. И. Устругов и товарищ министра народного просвещения на правах министра П. И. Преображенский, командующий войсками Иркутского военного округа генерал-майор С. Н. Самарин, краевой комиссар по судебным делам на правах прокурора Судебной палаты С. С. Старынкевич и краевой комиссар министерства труда С. М. Третьяк.

Они обратились к правительственным комиссарам, начальникам и всем служащим правительственных учреждений, городским и земским учреждениям и их служащим,

продовольственным организациям, комиссиям по выборам в Учредительное собрание, начальникам гарнизонов и отдельных частей и управлений, Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, комитетам спасения родины и революции, всем железнодорожным и почтовым учреждениям, всем профессиональным организациям и ко всем гражданам. В обращении говорилось, что страна «входит в полосу не только политической, продовольственной и товарной анархии, но, может быть, и полного распада гражданственности». Авторы обращения призывали всех граждан проявить волю для немедленного восстановления нормального хода жизни и выборов в Учредительное собрание [43; 44; 72].

Большевизация Совдепов. Возникновение двоевластия. Перевыборы Совета военных депутатов состоялись в последних числах октября. Они дали большинство левым радикалам. Но на прошедших 2 ноября выборах в Исполнительную комиссию Совета военных депутатов результат был во многом иной: в нее прошли 19 большевиков, 3 левых эсера (ранее именовавшихся то эсерами-максималистами, то эсерами-интернационалистами), 12 правых эсеров и 4 социал-демократа-интернационалиста. Председателем Исполнительной комиссии стал большевик А. Н. Алексеев¹, товарищем председателя — эсер Г. И. Поршневу, секретарем — большевик Певзнер [44; 47; 141]. Это был первый серьезный успех большевиков Иркутска на советском поприще. В то же время выборы в Исполнительную комиссию свидетельствовали о том, что доминирование радикалов в Иркутском гарнизоне не было столь явным, как могло показаться по результатам голосования 29 октября.

Три дня спустя Исполнительная комиссия большинством голосов приняла два важных решения. Во-первых, 20 голосами большевиков и левых эсеров против 8 голосов меньшевиков и правых эсеров она постановила отозвать своих представителей из Комитета по охране революционного порядка; во-вторых, подтвердила, что распоряжение воинскими частями гарнизона, как и раньше, принадлежит только ей, действующей в контакте с начальником гарнизона. Попытка меньшинства членов Исполнительной комиссии напомнить о том, что Комитет по охране революционного порядка был создан по совместному постановлению Совета рабочих и Совета солдатских депутатов, и они же должны решать вопрос об отзыве своих представителей, не получила поддержки большинства [46]. Это означало, что в лице Совета военных депутатов и его Исполнительной комиссии появился новый политический актор, игравший за большевиков и за Центросибирь против умеренных социалистов, Окружного бюро, городской думы и их сторонников.

Первое заседание частично обновленного состава Совета рабочих депутатов состоялось 9 ноября. Дебатировался один вопрос — отношение к захвату власти в Петрограде большевиками. По данным газеты «Единение», имевшиеся к тому времени в Иркутске телеграммы из столицы и с мест констатировали «резко враждебное отношение определенной части демократии, не разделяющей тактики большевиков, как к самому перевороту, так и к дальнейшим действиям большевиков» [46].

Состоялись прения, которые один журналист назвал страстными и горячими, другой — долгими и страстными. Дебаты длились до часа ночи, после чего были предложены три резолюции, которые огласили: от фракции большевиков — М. А. Трилиссер, от объединенной фракции эсеров, меньшевиков, социал-демократов объединенцев и Бунда — А. Ю. Добровольский и от эсеров-интернационалистов — С. И. Шепшелевич.

¹ Еще 25 октября союз военных врачей Иркутского, Иннокентьевского и Заиркутского гарнизонов принял решение отозвать доктора А. Н. Алексеева из Совдепа [136]. Но большевик мнение коллег проигнорировал.

Большевики предложили приветствовать новое правительство и поддержать его «всею организованной силой рабочих г. Иркутска». Умеренные социалисты осудили большевиков за то, что они поставили страну и революцию на край пропасти, высказались за создание однородной социалистической власти, способной довести Россию до Учредительного собрания. Эсеры-интернационалисты оценили переворот в Петрограде как чисто большевистский, а созданное ими правительство — как лишенное достаточной опоры и высказались за создание «однородного революционного демократического правительства».

Ввиду очень позднего времени было произведено предварительное голосование. Оно дало такие результаты: за резолюцию умеренных социалистов высказалось 126 человек, резолюция большевиков получила 111 голосов и эсеров-максималистов — 7. Но эти результаты не считались окончательными. Намечалось их уточнить с учетом подтверждения депутатских мандатов [46].

Очередное заседание полностью обновленного Совета рабочих депутатов состоялось 15 ноября. На этот раз количество участников заседания достигло 300 человек, по свидетельству газеты «Иркутская жизнь», такого количества в Иркутском Совете ранее не бывало. В повестке дня стоял традиционный вопрос о «текущем моменте». Для начала большевики опротестовали результаты голосования, произведенного 9 ноября, под предлогом того, что у ряда депутатов оказались просроченные мандаты. С учетом этого обстоятельства за резолюцию большевиков было подано 118, а за резолюцию умеренных социалистов — только 112 голосов.

Но главным событием должно было стать новое голосование. По его итогам был сформирован новый состав комитета Совдепа. Поскольку среди депутатов Совдепа преобладали большевики и их сторонники, 16 мест в комитете получили большевики, 11 — эсеры и 3 — меньшевики. Председателем Совета тайным голосованием был избран Я. Д. Янсон [73; 85, с. 398—399; 116, с. 41—42; 144].

На состоявшемся 17 ноября заседании нового комитета Совета рабочих депутатов произошли выборы его президиума. Председателем комитет утвердил Я. Д. Янсона, заместителем председателя избрал примыкавшего к большевикам И. В. Малозовского, членом — М. А. Трилисера, секретарем — Н. Ф. Чужака-Насимовича (оба большевики). Эсеры и меньшевики отказались выдвинуть своих представителей в президиум, так как предложенный ими заместителем председателя Н. П. Патлых был отведен большевиками на основании того, что он входил в состав комендатуры [74]. Преобладание большевиков в составе руководящих органов Совета рабочих депутатов стало их вторым крупным успехом.

Большевики понимали, что достигнутый результат необходимо немедленно развить и закрепить. Возглавив оба иркутских Совдепа, они решили сделать следующий шаг в борьбе за власть и от пропаганды этого требования перешли к его практической реализации — ко взятию власти. С этой целью из представителей Исполнительной комиссии, Советов военных и рабочих депутатов сначала были организованы три комиссии, названия которых говорят сами за себя: комиссия по охране города, комиссия по обыскам и комиссия по учету всего найденного. Две последние комиссии немедленно приступили к работе, тем самым грубейшим образом нарушив правительственное постановление об учете и производстве реквизиций продуктов продовольствия и предметов первой необходимости, которые являлись прерогативой губернских продовольственных комитетов [62; 74; 151]. О степени компетентности комиссии по учету хорошо говорит такой факт: она намеревалась предложить городскому продовольственному комитету в самое ближайшее время «приступить к организации общей переписи предметов первой необходимости» [75].

Решающим событием на пути к власти стало собрание большевиков, которые работали в Центросибири, Окружном бюро Советов, в обоих Совдепах и в руководстве профсоюзами. На этом собрании большевики специально обсудили вопрос о взятии ими власти в Иркутске. По свидетельству Б. З. Шумяцкого, необходимость захвата власти никто из участников собрания не отрицал. Вопрос заключался лишь в том, как это сделать, и он дебатировался «долго и обстоятельно» [168, с. 66—67].

Претворение принятого плана в жизнь осуществлялось «под прикрытием». Вечером 17 ноября в Белом доме по инициативе большевиков (якобы из-за угрозы продовольственного кризиса и беспорядков в городе) довольно неожиданно было созвано чрезвычайное объединенное заседание комитетов Совета военных и Совета рабочих депутатов. Оно длилось несколько часов, почти до самого утра. Воспользовавшись подходящей ситуацией, большевики в резолюции, озвученной М. А. Трилиссером, настаивали на немедленном создании военно-революционного комитета.

Такая поспешность накануне запланированного на 19 ноября совместного собрания обоих Совдепов показалась подозрительной даже шедшим в фарватере большевиков левым эсерам, как стали именовать себя эсеры-максималисты (они же эсеры-интернационалисты). На ряд прямых вопросов о причинах такой поспешности М. А. Трилиссер дал несколько путаных и противоречивших друг другу ответов.

Меньшевик И. И. Генкин от группы умеренных социалистов внес резолюцию, в которой говорилось, что «немедленная передача всей фактической власти большевистской части Советов раб[очих] и солд[атских] депутатов может вызвать и в Иркутске все ужасы гражданской войны, имевш[ей] место в столицах». В резолюции предлагалось не решать вопрос до совместного заседания Совдепов, выражалось несогласие с немедленным созданием нового органа власти на началах, предложенных большевиками, и содержался отказ принимать в нем участие. Когда большевики отвергли эту резолюцию, умеренные социалисты покинули заседание, оставив большевиков и левых эсеров обсуждать вопрос о создании военревкома [146]. Правда, левый эсер Д. Т. Тананайко позднее утверждал, что он тоже ушел с собрания вслед за меньшевиками и эсерами, так как считал «ненужным создание революционного комитета», а свое вхождение в состав военревкома оба левых эсера позднее объясняли намерением противодействовать большевикам изнутри [148; 150].

В итоге большевики сочинили документ, в котором от лица объединенного комитета Совдепов заявили, что он берет охрану порядка в Иркутске на себя и поэтому существование никакого другого органа, претендующего от имени демократии на эту же роль, считает недопустимым, а так называемую комендатуру упраздняет. Для руководства делом охраны объединенный комитет здесь же учредил временный военно-революционный комитет, которому передал «исключительное право распоряжения всеми военными силами Иркутского гарнизона и которому подчиняются все органы местного управления» [85, с. 406—408].

Один из иркутских журналистов, хорошо понимавших суть происходившего, так объяснил поведение местных большевиков: «Очевидно, по примеру своих петроградских учителей, иркутские большевики решили поставить Советы депутатов лицом к лицу с уже свершившимся фактом» [146].

Тогда же вожди местных большевиков совершили еще один шаг в том же направлении, шокировавший не только умеренных социалистов, но и часть собственных товарищей по партии. Еще 2 ноября комитет большевиков принял решение об организации рабочей гвардии и решил ходатайствовать о ее немедленном вооружении. Необходимость создания такого вооруженного формирования обосновывалась формальной ссылкой на

призыв комитета по охране города к иркутянам учредить добровольческие дружины для защиты жизни населения и его имущества [71; 142].

В принципе никакой необходимости в формировании Красной гвардии при наличии в городе многотысячного гарнизона, подчиненного Совету военных депутатов и его Исполнительной комиссии, не имелось. За одним исключением: большевики нуждались в вооруженной силе, более надежной в политическом отношении, чем воинские части, способной при необходимости решать их узкопартийные задачи. Поэтому председатель Исполнительной комиссии Совета военных депутатов Н. А. Алексеев, ни с кем не обсудив этот вопрос, подписал ордер на выдачу рабочей Красной гвардии 200 винтовок. Утром 18 ноября в помещении Совета рабочих депутатов была произведена выдача винтовок всем рабочим, пожелавшим стать красногвардейцами. Об этом небольшевицкая часть президиума комитета Совдепа и Исполнительной комиссии узнала только после того, как винтовки уже были розданы. Такой поступок противоречил не только всей практике работы Исполнительной комиссии, но и согласованным накануне договоренностям [29; 146; 148].

19 ноября состоялось ранее запланированное объединенное заседание Советов рабочих и военных депутатов, в котором участвовало около 500 человек. Председателем собрания был избран Я. Д. Янсон. Он же от имени фракции большевиков сделал доклад о текущих событиях и о постановлении объединенного комитета насчет создания военревкома. Обсуждение доклада проходило по сокращенному варианту: слово для выступления получили по одному представителю от каждой политической партии. После напряженной дискуссии большинством в 256 голосов за, 185 против и при 7 воздержавшихся предложенная большевиками резолюция была принята. В ней одобрялось создание временного военно-революционного комитета с теми полномочиями, которые были ему делегированы 17 ноября объединенным комитетом. Предложение И. И. Генкина было отклонено большинством в 257 голосов при 194 за [74; 116, с. 43; 149; 150].

Видимо, тогда же был избран военревком, членами которого стали председатель Иркутского Совета рабочих депутатов Я. Д. Янсон, член Исполнительной военной комиссии, прапорщик Сибирского запасного артиллерийского дивизиона Б. Н. Мельников, член Центрального бюро совета профсоюзов П. П. Постышев (все большевики), члены Исполнительной военной комиссии прапорщик Д. Т. Тананайко и солдат 3-й артиллерийской батареи М. П. Базаркин (эсеры-интернационалисты). М. П. Базаркина почти сразу почему-то заменил эсер-интернационалист С. И. Шепшелевич, которого служащие Иркутского отделения Московского народного банка за такой поступок вскоре исключили из своих рядов [84; 116, с. 42—43; 150; 156; 168, с. 65]. Интересно, что эсеры-интернационалисты сначала объяснили свое вхождение в военревком желанием противодействовать его решениям изнутри.

Местная газета «Сибирь» так отреагировала на появление в Иркутске военревкома: «В Иркутске делаются попытки произвести в миниатюре то, что произошло в Петрограде. Большевики постановили на объединенном собрании Советов рабочих и военных депутатов взять власть в Иркутске в свои руки. Для этого создан местный военно-революционный комитет, куда большевики для “объективности” пустили двух “левых” с.-р., кстати сказать, исключенных за вхождение в этот комитет из местной организации партии с.-р.» [147].

Возможно, вопрос о составе военревкома по каким-то причинам оставался для большевиков открытым. Имеется опубликованная информация, что сначала он подвергся сокращению до трех человек: председатель — Я. Д. Янсон, товарищ председателя — прапорщик Д. Т. Тананайко и секретарь — прапорщик Б. Н. Мельников [75]. Несколько дней

спустя решением объединенного комитета Совдепов в состав военревкома дополнительно были введены большевики Богдыль и В. М. Брюханов, избранные как представители от артиллерийского дивизиона [79]. Затем решением военревкома право участия в нем с совещательным голосом получили члены президиума Исполнительной комиссии Совета военных депутатов и президиума комитета Совета рабочих депутатов [78].

Информацию о создании военревкома и провозглашении его единственной властью в Иркутске горожане оценили по-разному: одни — как авантюру большевиков, другие — как захват, третьи — как попытку захвата власти большевиками, четвертые — как установление власти Совдепов. Например, газета «Иркутская жизнь» информацию об объединенном заседании Советов рабочих и военных депутатов, состоявшемся 19 ноября, поместила под шапкой «Власть в Иркутске перешла в руки Советов».

Лидер местных большевиков Б. З. Шумяцкий был настолько доволен успешно проведенной операцией, что решил похвастаться о ней самому В. И. Ленину. Но не смог удержаться от элементарного вранья и противоречий: с одной стороны, он написал, что был избран военно-революционный комитет и все учреждения перешли в руки большевиков, с другой — военревком только организует переход власти к Советам, а «телеграф еще находится в руках наших скрытых (? — *В. Ш.*) врагов» [116, с. 45].

Реакция разных слоев населения и организаций Иркутска на большевистский эксперимент была неодинаковой. Умеренно социалистическая и демократическая общественность отнеслась к нему отрицательно, осудила и отказалась признать военревком. Это сделали комиссар Временного правительства А. Н. Кругликов, губернский комиссар И. А. Лавров, председатель исполнительного комитета общественных организаций Иркутска Е. М. Тимофеев, начальники правительственных учреждений, городская дума, Иркутская губернская по земским делам комиссия, губернский Совет крестьянских депутатов, союз профсоюзов, профсоюзы железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, объединенное заседание всех учительских организаций Иркутска, партийные комитеты эсеров, меньшевиков, энесов, кадетов, войсковой совет Иркутского казачьего войска. Причем казачество сделало очень категоричное заявление: «Власти большевиков не признают и не признают». Меньшевики и эсеры приняли решение отозвать своих членов из комитетов и комиссий обоих Совдепов. 22 ноября общее собрание чинов и солдат штаба Иркутского военного округа постановило, что военревком оно не признает и подчиняться ему отказывается, а «в случае вмешательства в дело работы штаба, в какой бы форме оно ни выразалось, все чины и солдаты штаба покидают работу» [53; 54; 56; 75; 76; 85, с. 409—412; 147; 150].

Однако непоследовательно повел себя командующий войсками Иркутского военного округа генерал-майор С. Н. Самарин, прозванный большевиками «мягкотелым». 21 ноября он заявил, что против назначения прапорщика Б. Н. Мельникова начальником Иркутского гарнизона ничего не имеет, не стал возражать против назначения военревкомом комиссара в штаб округа и уведомил, что впредь приказы будет издавать «в согласии с этим комиссаром». Но 22 ноября генерал неожиданно проявил характер и уведомил военно-окружной совет, что не признает военревком и не подчиняется ему [75; 149].

Отношение к захвату власти большевиками явилось единственным вопросом, который целый день обсуждало 20 ноября экстренное заседание городской думы. Наряду с гласными думы в заседании приняли участие представители социалистических партий, союза профсоюзов, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, кооперативов, других общественных организаций и интересующиеся граждане. Гласные и представители общественности произнесли гневные речи с осуждением поведения большевиков. Сложнее для них оказалось найти решение, благодаря которому можно было бы эффек-

тивно противодействовать большевистской авантюре или хотя бы минимизировать ее негативные последствия. Для начала дума остановилась на необходимости создать исполнительный орган, в который трех гласных делегировали эсеры и двух — меньшевики [69, с. 176—181].

Демократическая общественность и умеренные социалисты поддержали предложение думы и немедленно пополнили думский орган своими представителями, фамилии которых и названия представляемых ими организаций были опубликованы в повременной печати. В результате как бы стихийно и спонтанно возникла новая структура, получившая название «Комитет защиты революции». Комитет объявил себя «единственной политической властью в городе», призвал население подчиняться только ему, «совершенно игнорируя самозванный большевистский военно-революционный комитет». Свою задачу Комитет защиты революции видел в том, чтобы «мобилизовать и организовать вокруг себя всю революционную демократию города», взять на себя «руководство деятельностью всех гражданских и военных организаций», «борьбой против притязаний большевиков на власть». Возглавил работу Комитета президиум из пяти человек: председатель — Е. М. Тимофеев, товарищи председателя — Н. П. Патлых и П. Д. Яковлев, секретари — С. П. Файнберг и Н. А. Фишман. Местом своего пребывания Комитет определил помещение городской думы [76; 148; 149; 151].

Таким образом, за нескольких дней, с 17 по 20 ноября, в Иркутске возникли и институционализировались еще два новых центра власти: временный военревком и Комитет по охране революционного порядка. У политических деятелей, которые их возглавляли, было много общего в прошлом. И те, и другие были революционерами, социалистами и выступали за Советы. Но после переворота, осуществленного большевиками в Петрограде, они разошлись в целях своей деятельности, в формах и методах достижения этих целей. Умеренные социалисты, считавшие себя «революционно сознательными элементами Советов», намеревались вести против большевиков политическую борьбу, а основным ее средством считали моральное воздействие. 29 ноября на совместном совещании умеренных социалистов, состоявших депутатами местных Совдепов, А. И. Погребецкий, являвшийся одним из лидеров иркутских эсеров, заявил: «Мы не станем применять тех же методов борьбы с отуманенными большевиками массами, которые они применяют вообще. Мы со своими идейными противниками боремся только идейной силой, силой общественного мнения» [152]. В отличие от меньшевиков и эсеров, большевики не грешили идеализмом, а прагматично делали ставку на силу, в том числе вооруженную.

Реконструкция Советов. Самым крупным мероприятием, осуществленным военревкомом, была реконструкция местных Совдепов. В принципе постановка этого вопроса принадлежала умеренным социалистам. Еще в конце октября они выражали недовольство тем, что наиболее радикально настроенные группы рабочих и солдат имели в Советах двойное и даже тройное представительство, благодаря чему увеличивалось количество депутатов-большевиков и их сторонников [145]. На выборах в первой половине ноября большевики эту критику проигнорировали, что позволило им добиться избрания и провести в комитеты Совдепов своих кандидатов, а потом на объединенном заседании комитетов учредить военревком. Но когда 21 ноября на собрании объединенного Совета рабочих и военных депутатов выяснилось, что фракция большевиков по численности уступает фракции меньшевиков и эсеров, большевистский президиум комитета Совдепов решил не проводить мероприятие и тайком покинул зал. Вместо публичного объявления об отмене заседания президиум Совета оставил на двери для рядовых депутатов только записку, что заседание не состоится, без объяснения причины [29; 148].

Последнее означало, что большевистские лидеры явно решили произвести реорганизацию Совдепов. Этот вопрос они наметили рассмотреть на очередном собрании объединенного Совета рабочих и военных депутатов, созванном 25 ноября. В результате явка делегатов на собрание оказалась исключительно высокой — присутствовало 566 человек.

Председатель собрания Я. Д. Янсон предложил начать обсуждение повестки дня именно с вопроса о реконструкции Советов. Е. М. Тимофеев, однако, потребовал в первую очередь заслушать отчет о деятельности военревкома и поведении президиума Совета, сорвавшего плановое собрание три дня тому назад. В дискуссию на стороне Я. Д. Янсона вступил Б. З. Шумяцкий. В качестве аргумента в пользу первоочередного рассмотрения вопроса о реконструкции Совдепов он заявил, что действующий «Совет рабочих и военных депутатов не является представителем истинной демократии», что он «фальсифицированный Совет, а не настоящий», что «настоящее собрание не правомочно», что «мнение Совета расходится с мнением масс» и что фракция большевиков «будет настаивать на перевыборах» [58].

Предложения Е. М. Тимофеева и Б. З. Шумяцкого были поставлены на голосование. За первое предложение проголосовало примерно 300 человек, за второе — 250. Такой результат свидетельствовал о том, что за большевиками идут многие депутаты, несмотря на то, что они только что были названы членами «фальсифицированного Совета». Однако предложение Е. М. Тимофеева поддержали не только умеренные социалисты и их демократически настроенные сторонники, но и часть депутатов, ранее голосовавших за большевиков, но оскорбленных срывом предыдущего собрания и характеристикой Б. З. Шумяцким Совдепа как фальсифицированного.

В результате сначала Я. Д. Янсону пришлось объяснить депутатам причины срыва собрания 21 ноября. По его утверждению, солдаты якобы не получили извещение о мероприятии, а фракция большевиков, обсудив эту новость, постановила считать собрание неправомочным. Но депутаты Я. Д. Янсону не поверили, а один из них даже опроверг его объяснение, после чего Я. Д. Янсон был вынужден сложить полномочия председателя собрания [58].

После перерыва для проведения фракционных заседаний слово снова взял Б. З. Шумяцкий. От имени большевиков он еще раз заявил, что настоящее собрание считает подтасованным посредством разных махинаций и неправильно построенным, находит, что Совет идет вразрез с мнением широких масс, и поэтому объявляет его распущенным до конструирования нового Совета. Это заявление Б. З. Шумяцкого его сторонники поддержали, покинув мероприятие. В результате возникли две моральные коллизии. Первая заключалась в том, что большевистский военревком был учрежден Советами, которые сами большевики считали фальсифицированными, но военревком, тем не менее, сохранили. Суть второй коллизии — большевики, оказавшиеся в меньшинстве на собрании Совдепов, распустили это собрание вопреки нормам советской демократии, не говоря уже об элементарных нормах общепринятой демократии. Умеренные социалисты оценили такое поведение большевиков как насилие над Советом и высказали предположение, что такая практика будет повторяться [58].

После ухода большевиков на собрании остались 312 депутатов, в том числе левые эсеры, которые вместе со всеми продолжили обсуждение повестки дня. По результатам выступлений Н. П. Патлых, А. И. Погребецкого, Е. М. Тимофеева и Д. Т. Тананайко депутаты единогласно приняли предложенную Е. М. Тимофеевым резолюцию, которая гласила: «Ввиду того, что военно-революционный комитет — подотчетный орган Советов рабоч[их] и военных депутатов — не представил отчета о своей деятельности и не получил дальнейшей санкции, объединенный С[овет] Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов]

заявляет, что до тех пор, пока военно-революц[ионный] комитет не даст отчет в своей деятельности, он лишается права именоваться органом Советской власти и выступать от имени Советов рабоч[их] и воен[ных] депутат[ов], его избравших» [58; 149].

Докладчиком по второму вопросу — о реконструкции Советов — от фракций эсеров и социал-демократов объединенцев выступил Н. П. Патлых. Он подверг критике существовавшую систему выборов, которая в некоторых случаях позволяла большевикам и их сторонникам иметь тройное представительство: от предприятий, от профсоюзов и союза профсоюзов; отдельное представительство существовало от партий и общественных организаций.

Меньшевики и эсеры взамен предлагали ввести представительство в Советах «только непосредственно от рабочих и солдатских масс», используя при выборах рабочих и служащих профсоюзы и заводские комитеты в качестве своего рода фильтра. Для военнослужащих предлагалось применять при выборах принцип пропорциональности, установление норм представительства передать на усмотрение полковых комитетов, а депутатов выбирать от рот и команд. Представители от политических партий, Окружного бюро Советов, союза профсоюзов и других структур допускались в Советы, но только с правом совещательного голоса: по три представителя от каждой организации в оба Совета. Доклад вызвал продолжительные прения и после учета поправок был принят [149].

Перевыборы по новому уставу рекомендовалось осуществить не позднее 10 декабря. Но левые эсеры ультимативно потребовали по необъясненным причинам произвести их до 1 декабря, что по срокам было нереально. Когда их предложение не получило поддержки, они покинули собрание. В заключение состоялись выборы нового президиума Совдепов из 10 человек. В новый президиум прошли такие известные депутаты, как И. И. Генкин, М. М. Константинов, А. И. Погребецкий, А. Т. Самохин, В. С. Яковлев [58; 149].

Умеренные социалисты утвердили подготовленный ими новый устав Совета на собрании объединенного Совета рабочих и военных депутатов, незаконно объявленного большевиками распущенным. Сами же большевики попытались легитимизировать разработанный ими устав Советов в другой, менее грамотной, но зато более радикально настроенной аудитории. С этой целью днем 27 ноября они собрали солдат Иркутского гарнизона, предложив им обсудить вопрос о реконструкции Советов.

Чтобы наверняка достичь необходимого результата, бразды правления на собрании сразу же взял в свои руки сам Б. З. Шумяцкий. Он являлся и председателем собрания, и докладчиком. Желая добиться у солдат большего расположения, Б. З. Шумяцкий начал свое выступление с завуалированной похвалы слушателям: «Товарищи солдаты обратились ко мне с просьбой создать правила, по которым бы выбирался Совет, где будут истинные представители демократии» [151]. Такое утверждение не соответствовало действительности, поскольку идею унифицировать Советы он безуспешно навязывал в советской среде уже почти месяц.

Б. З. Шумяцкий оболгал существовавшие Советы и умеренных социалистов, заявив, что «представители других партий фабриковали свои мандаты и топили в своей массе истинный голос демократии». Автором нового устава, вопреки ранее сказанному, докладчик назвал военревком, членом которого он даже не являлся. Совет только для рабочих и солдат — так Б. З. Шумяцкий определил цель нового устава. Для ее достижения право представительства в Советах предлагалось предоставить только людям физического труда и солдатам. Лица свободных профессий такой возможности не получали. Военному училищу и школам прапорщиков разрешалось иметь по одному представителю от роты только для связи. Кроме того, в состав Совета допускались уполномоченные от партий

большевиков, меньшевиков, эсеров и анархистов, количество которых никак не определялось.

Докладчику был задан ряд вопросов. Эти вопросы и ответы на них опубликовала газета «Сибирь». Вот как они прозвучали:

В[опрос]: Почему такое представительство от юнкеров?

О[ответ]: В положении солдат и юнкеров большая разница. Живут они не в казармах, а в хороших домах, они и одеваются чище, едят лучше... (занимаются — бросает кто-то реплику) и они — будущие офицеры. А офицеры по уставу лишаются представительства.

В[опрос]: Почт[ово]-телегр[афные] служащие имеют ли представительство?

О[ответ]: Нет, не имеют.

В[опрос]: Учителя будут ли в Совете?

О[ответ]: Нет, не будут, потому что люди умственного труда... Да и они при самодержавии помогали укреплять это самодержавие...

В[опрос]: А приказчики?

О[ответ]: Тоже не имеют.

В[опрос]: А конторщики?

О[ответ]: Тоже не имеют» [151].

Кто-то из присутствовавших написал заявление, в котором иронически предложил не допускать в Совет грамотных и образованных людей, вызвав своей рекомендацией возмущение части зала.

Меньшевику М. М. Константинову удалось получить возможность высказать свое мнение об этом уставе. Для начала он предложил вместо словосочетания «физический труд» использовать термин «наемный труд» и попытался аргументировать свою позицию. Но оратора постоянно прерывали шумом, криком, свистом. Как сказал М. М. Константинов, он «при старом режиме такого гиканья не слышал». Несколько раз М. М. Константинова перебивал пьяный солдат, которому председатель даже предоставил слово. В то же время по предложению Б. З. Шумяцкого большинство собрания лишило возможности выступить представителей фракций, после чего меньшевики и эсеры заявили протест и покинули собрание. Вслед за ними, тоже заявив протест, ушли представители казаков, большинства юнкеров, нестроевых частей, интендантского управления и др. Обсуждение устава завершилось тем, что Б. З. Шумяцкий зачитывал каждый его пункт, а солдаты, не вникая в суть формулировок, голосовали за, поддержав большевистский проект [151].

Вечером следующего дня, 28 ноября, состоялось общее собрание рабочих организаций Иркутска, созванное большевиками и названное ими почему-то «учредительным». Присутствовало около 250 человек: члены фабрично-заводских комитетов, члены правлений профсоюзов и делегаты собрания профсоюзов (возможно, также члены комитета Совета рабочих депутатов). В основном аудитория состояла из большевиков и их сторонников. Председателем собрания был избран член военревкома П. П. Постышев. В повестке дня значились три вопроса: реконструкция Совета, отчет военревкома и текущие дела.

Докладчиком от большевиков по первому вопросу выступил Б. З. Шумяцкий. Он в очередной раз заявил, что старый Совдеп не отражал истинного мнения рабочих и солдат и поэтому его распустили. В основу нового Совета докладчик предложил взять принцип «независимого пролетарского строительства», согласно которому выборы осуществлялись бы только от организаций, объединявших лиц физического труда. Не желая далее утруждать себя, Б. З. Шумяцкий предложил проект реконструкции Совдепа, только что одобренный гарнизонным собранием.

С контрдокладом от эсеров и социал-демократов объединенцев выступил Н. П. Патлых. Он критиковал большевиков главным образом за то, что они своим поведением разрушают единый революционный фронт, из-за чего усиливается угроза со стороны контрреволюции, и препятствуют массе демократического населения участвовать в работе Советов. Н. П. Патлых призвал участников мероприятия принять проект Совдепа, который получил одобрение объединенного собрания Советов 25 ноября. Но большевики предложили взять за основу один из двух представленных проектов и обсуждать только его. В результате голосования со значительным преимуществом (по одним данным, 170 голосов против 85, по другим — 176 против 66) прошло предложение большевиков, и обсуждению подвергся только их проект устава [59; 151].

В ходе прений М. М. Константинов обвинил большевиков в недемократическом поведении и в отсутствии у них права распускать Совдепы. Эта критика была парирована Б. З. Шумяцким такими словами: «...если тов. Константинов ищет права, то пусть обратится к мировым судьям и другим подобным учреждениям. Мы же, социал-демократы, оставаясь последовательными, отрицаем всякое правовое положение в момент революции» [151].

Далее М. М. Константинов попытался убрать из первого пункта устава утверждение о роспуске иркутских Советов, а название происходившего собрания поменять с учредительного на организационное. Но эта попытка также не увенчалась успехом. Все остальные пункты устава совсем не обсуждались, так как эсеры и социал-демократы объединенцы от голосования отказались, а остальные участники мероприятия на вопрос П. П. Постышева «Кто против?» отвечали гробовым молчанием.

Такая реакция данной аудитории была ожидаемой и вполне закономерной. Она мало что понимала в происходившем. Ее задача заключалась в другом — в одобрении предложений большевиков. В результате был принят большевистский вариант устава Совета. В нем допускалось представительство в Совете рабочих депутатов только лиц, занятых физическим трудом, причем исключительно в отраслях и на предприятиях, прописанных в уставе. Кроме того, право делегировать в Советы по три представителя получили такие «социалистически-революционные» партии и группы, как большевики, меньшевики, правые социалисты-революционеры, левые социалисты-революционеры, анархисты-коммунисты [59; 60; 151].

В результате от участия в выборах в Советы были отстранены учителя, врачи, инженеры, почтово-телеграфные служащие, машинисты, мастеровые и служащие железной дороги, конторщики, приказчики, юнкера, офицеры, а также члены Бунда и Польской социалистической партии. Иначе говоря, большевики и поддерживавшие их левые эсеры смогли утвердить уставы Советов, лишавшие представительства в них наиболее грамотных и организованных элементов из числа рабочих и военнослужащих, отличавшихся инакомыслием. Почти все эти группы населения выразили свой протест против дискриминационных мер, которые по инициативе большевиков санкционировали гарнизонное собрание и собрание рабочих организаций. При этом в нарушение принятых норм председателем Совета рабочих депутатов остался большевик Я. Д. Янсон, служивший бухгалтером ревизионной комиссии городской управы, а членом военревкома — большевик П. П. Постышев, служивший фонарщиком городской электростанции [57].

Военревком за работой. С первого дня своего существования военревком действовал широко и напористо. Прежде всего он срочно провел несколько кадровых изменений и осуществил ряд организационных мероприятий. Он назначил члена военревкома Б. Н. Мельникова начальником Иркутского гарнизона с предоставлением ему права распоряжаться войсками; левый эсер поручик Наумов получил должность коменданта Белого

дома. К командующему войсками Иркутского военного округа генералу С. Н. Самарину был назначен комиссар [75; 81].

Поскольку меньшевики и эсеры вышли из состава Исполнительной комиссии Совета военных депутатов, военревком пополнил ее 16 членами от Совета военных депутатов и 14 — от Совета рабочих депутатов. В состав Окружного бюро Советов он делегировал большевиков С. И. Лебедева, Б. М. Сташевского, Г. К. Соболевского, М. А. Трилиссера и Н. Ф. Чужака-Насимовича. Военревком освободил от должности командира 9-го запасного полка и командира 2-й стрелковой бригады. За неисполнение приказа военревкома был снят с должности и арестован начальник автомобильной команды. Начальник гарнизона Б. Н. Мельников получил распоряжение выяснить «степень вооружения гарнизона» и устранить последствия его разоружения, осуществленного «старой властью». Военревком удовлетворил заявление 12-го полка о выдаче ему 150 тыс. патронов [74; 77; 78; 81].

По инициативе военревкома состоялось совещание всех начальников воинских частей, расположенных в Иркутске, на котором присутствовал начальник военного училища, начальники школ прапорщиков, командиры всех четырех полков и др. Было принято постановление, в соответствии с которым командный состав признал власть Совета народных комиссаров и была обозначена его сфера ответственности — нести обязанности только военных инструкторов, но не отвечать за политическое состояние своих частей [75].

Большевики не ограничились борьбой только с умеренными социалистами на советском поприще, а параллельно осуществили серию атак на те социальные группы горожан, которые считали политически чуждыми или контрреволюционными. Главными и первоочередными объектами их нападения стали штаб Иркутского военного округа, офицеры, казаки и юнкера.

В ночь на 24 ноября по распоряжению военревкома был произведен обыск у нескольких офицеров штаба Иркутского военного округа, обвиняемых в контрреволюционном заговоре. Для доказательства обоснованности своего распоряжения военревком учредил особую следственную комиссию из представителей Совета рабочих и военных депутатов.

Тогда же по ордерам военревкома были подвергнуты домашнему аресту начальник штаба Иркутского военного округа полковник М. П. Никитин и генерал-квартирмейстер штаба округа генерал-майор В. И. Марковский, арестованы и заключены на гауптвахту 12-го полка дежурный генерал штаба округа полковник Т. В. Гербов, начальник отдела по квартирному довольствию войск, военный инженер полковник Ф. А. Ланге, старший адъютант инспекторского отделения штаба округа полковник П. С. Якубович, помощник старшего адъютанта штаба округа капитан А. К. Поротов, старший адъютант строительного отделения капитан Павлов, адъютант отделения военнопленных капитан И. В. Елочкин, а также председатель местного отделения Союза георгиевских кавалеров полковник Л. Н. Скипетров. По утверждению производивших аресты, они осуществляли их якобы с согласия Окружного бюро Советов и по списку военревкома, одобренному Окружным бюро, что не соответствовало действительности. Кроме того, военревком назначил в штаб округа своего комиссара и установил караул [55; 57; 76; 85, с. 413—414; 147].

Столь агрессивное поведение военревкома можно объяснить двумя главными причинами. Первая из них имела общий характер. Она заключалась в том, что значительная часть революционеров (как радикалов, так и умеренных) нередко видела контрреволюцию и контрреволюционеров там и в тех случаях, где ни ее, ни их не было и в помине.

Совершенно естественно, что Окружное бюро Советов Восточной Сибири почти всегда держало штаб Иркутского военного округа в поле своего зрения и повышенного

внимания. Видимо, в середине ноября у Бюро возникли смутные сомнения относительно лояльности штаба, и он оказался под подозрением. 20 ноября Окружное бюро, руководствуясь такими самыми общими соображениями, как «тревожность переживаемого момента и возможность недоразумений при издании распоряжений штаба без участия представителей демократии», признало желательным в превентивном порядке направить в штаб округа двух комиссаров, даже никак не определив их права и обязанности [53].

Через два дня, 23 ноября, Окружное бюро вернулось к вопросу о штабе округа и заслушало доклад Н. Протопопова, который пару дней состоял его комиссаром. По мнению докладчика, командующий округом шел навстречу комиссарам; штабисты же не имели ничего против, но считались с ними постольку, поскольку комиссары не вмешивались в их дела. Докладчик не исключил того, что имел место один случай скрытого саботажа, и предложил поддержать командующего округом в его противостоянии со штабом.

Но обсуждение вопроса пошло по более жесткому варианту. Тон задал член Бюро Д. Т. Тананайко, высказавшийся не только за реорганизацию, но и за чистку штаба от контрреволюционеров. Д. Т. Тананайко затем твердо поддержал Иордан, во многом — Н. Протопопов, Татарников и даже осторожный А. Н. Черкунов, который указал, что «чистка штаба необходима и лица, которые [будут] замечены в контрреволюции, должны быть смещены в первую очередь» [62].

Опоздавший на заседание Бюро Г. И. Поршнев попытался перевести дискуссию в более спокойное и объективное русло. Он возразил против услышанной им реплики, что «штаб в своем большинстве контрреволюционен». Так, предостерег Г. И. Поршнев, «можно сказать и о полках, и вообще о ком угодно». Ссылаясь на состоявшееся накануне заседание штаба округа, Г. И. Поршнев заявил, что «штаб не может быть заподозрен в контрреволюционности». Тем не менее Окружное бюро постановило «немедленно начать полную реорганизацию штаба округа и изменения в его личном составе». Для осуществления этой меры Бюро избрало трех своих членов комиссарами штаба, в обязанность которых входило подписание всех приказов по штабу округа, без которых ни один приказ не подлежал исполнению [62].

Второй причиной ареста офицеров штаба округа по ордерам военревкома стала активность Д. Т. Тананайко. Выступая 23 ноября на заседании Окружного бюро, Д. Т. Тананайко заявил, что «ему известны контрреволюционеры штаба еще 2 месяца тому назад персонально», что «штабом уже выработан план контрреволюционного выступления: город разбит на 4 части; во главе каждой части стоит определенное лицо, которое и создает белую гвардию» [62].

Д. Т. Тананайко в это время совмещал две важные советские должности: являлся членом Окружного бюро Советов и членом Иркутского военревкома. Скорее всего, именно он спровоцировал атаку военревкома на штаб округа. Большевики не могли не воспользоваться заявлением Д. Т. Тананайко в своих интересах, и военревком выдал ордера для производства обысков и арестов.

Аресты офицеров, занимавших ключевые посты в штабе округа, и Л. Н. Скипетрова, пользовавшегося популярностью в офицерской среде и в кругах иркутян-домовладельцев, произвели эффект, на который большевики не рассчитывали. Сразу же публично отмежевался от арестов командующий войсками округа генерал-майор Н. С. Самарин. Он заявил, что никакого участия в арестах не принимал, своего согласия на их производство никому не давал, а узнал о происшедшем из газет [77; 150].

24 ноября с протестом против ареста полковника Ф. А. Ланге выступило правление общества инженеров Восточной Сибири [77]. Состоявшееся в тот же день общее собрание чинов и солдат штаба округа большинством голосов (103 за и 35 против), ссылаясь на

свое постановление от 22 ноября, приняло решение прекратить работу, войти в контакт с Окружным бюро Советов, исполнительным бюро военно-учебных заведений и казачьего дивизиона и скоординировать с ним свою позицию [55; 57; 149; 150].

На аресты чинов штаба округа отреагировали городская дума и Комитет защиты революции. Они выяснили, по чьему распоряжению производились аресты и где содержатся арестованные. Узнав, что офицеров разместили на гауптвахте 12-го полка и опасаясь солдатского самосуда, они заручились обещанием начальника гарнизона Б. Н. Мельникова обеспечить их безопасность, а затем добились перевода арестованных в другое место. Городской голова Н. А. Чичинадзе выразил протест по поводу арестов, назвав их незаконными, и потребовал передачи этого дела гласному суду [77; 148; 150].

Вопрос об арестах офицеров штаба округа 24 ноября стал предметом обсуждения в Окружном бюро Советов. Правда, входивший в его состав Д. Т. Тананайко по непонятной причине на заседании отсутствовал. Председатель Бюро А. Н. Черкунов проинформировал присутствовавших об аресте офицеров штаба по распоряжению военревкома, отданному на следующий день после решения Бюро о реорганизации штаба и замене его личного состава, без уведомления Окружного бюро, которое несло ответственность за работу штаба. Причем не были поставлены в известность ни Бюро в целом, ни его большевистская фракция, хотя Окружное бюро и военревком занимали комнаты в Белом доме на одном этаже в нескольких шагах друг от друга [56]. По мнению А. Н. Черкунова, такое поведение военревкома, члены которого участвовали 23 ноября в принятии решения о реорганизации штаба округа, можно было расценивать как «акт недоверия к Окружной советской организации»¹. Он предложил настаивать на немедленном освобождении арестованных и назначении следственной комиссии.

В ходе разгоревшейся дискуссии высказывались две точки зрения. Одни члены Бюро квалифицировали аресты как абсолютно незаконное поведение военревкома. Другие считали, что следует различать аресты, на которые военревком якобы имел право, и вмешательство в работу штаба, на которое имело право только Окружное бюро Советов. Плотнее всех взаимодействовавший со штабом округа и наиболее хорошо осведомленный о происшествии Г. И. Поршнева обратил внимание также на то, что военревком прикрывал свои действия именем Окружного бюро, и квалифицировал такое поведение как «жандармские приемы». Он потребовал, чтобы военревком немедленно предъявил арестованным обвинения или освободил [57].

Продолжительные прения развернулись по вопросу о том, нужно ли делегировать представителя Окружного бюро Советов в следственную комиссию военревкома. Опять-таки были высказаны две точки зрения. Часть членов Бюро считала, что такого представителя нужно послать, чтобы как можно быстрее выяснить виновность или невиновность арестованных и наладить работу штаба. Другие требовали, чтобы военревком сначала представил объяснения насчет арестов, считая его поступок недопустимым вмешательством в компетенцию Окружного бюро.

Первоначально Бюро отказалось послать своего представителя в комиссию военревкома. Но вскоре член этой комиссии Н. Ф. Чужак-Насимович признался, что военревком не может представить подтверждающих материалов, а он сам — дать надлежащие объяснения. Бюро было вынуждено делегировать в состав следственной комиссии военрев-

¹ Более остро и эмоционально на поведение членов военревкома отреагировал А. Н. Черкунов в редакционной статье газеты «Единение». Он писал: «Товарищи, недоверие уже свило гнездо в наших рядах и растет с каждым часом. Нет не только единения демократии, нет самого элементарного доверия. Одни скрываются от других, одни за спиной у других “творят” жизнь! Жить становится страшно! И это у нас, каменщиков революции, строителей новой, молодой, обновляющейся России. Одно из двух: или этому должен быть положен конец, или мы снова придем к романовскому застенку. Одумайтесь, товарищи!» [56].

кома своего члена Д. И. Гарштейна. Но до получения результатов работы комиссии оно после продолжительной дискуссии приняло резолюцию, в которой квалифицировало поступок военревкома как «вмешательство в сферу компетенции Окружного бюро», предложило военревкому освободить начальника штаба округа, передав его в распоряжение Окружного бюро, отозвать своего комиссара из штаба и снять караул. При условии выполнения военревкомом этих требований Окружное бюро предложило всем чинам штаба приступить к текущей работе [57].

Довольно решительная позиция, проявленная чинами штаба Иркутского военного округа, городской думой, Комитетом защиты революции и особенно Окружным бюро Советов, возымела действие: 25 ноября все офицеры, за исключением Л. Н. Скипетрова, были освобождены из-под ареста, поскольку следственная комиссия военревкома, несмотря на все ее усилия и заявления Н. Ф. Чужака-Насимовича, не смогла обнаружить никаких фактов, которые бы свидетельствовали о наличии заговора [63; 76]. Очередной виток конфликта, спровоцированный военревкомом, с позором провалился. Но большевиков это фиаско не смутило и не остановило.

В связи с освобождением старших офицеров штаба округа 27 ноября общее собрание чинов и солдат штаба, состоявшееся под председательством Г. И. Поршнева, постановило приступить к работе. В то же время оно потребовало, чтобы Л. Н. Скипетрову предъявили обвинение, а в случае отсутствия такового — освободили [80; 150].

За Л. Н. Скипетрова вступились также местное отделение Союза георгиевских кавалеров, председателем которого он был, и Иркутский союз домовладельцев. Союз георгиевских кавалеров в письменном виде потребовал от военревкома немедленного освобождения полковника Л. Н. Скипетрова и заявил, что в случае неисполнения этого требования его члены примут решительные меры, ответственность за которые падет на военревком. Если же следственная комиссия предъявит Л. Н. Скипетрову обвинение в каком-либо преступлении, обоснованное документами и фактами, Союз георгиевских кавалеров выражал готовность взять его под свое ручательство [78; 150].

Союз домовладельцев мотивировал свою просьбу об освобождении Л. Н. Скипетрова тем, что полковник являлся организатором и начальником городской самоохранны. В случае, если полковник виновен, домовладельцы просили освободить его под залог имущества граждан в размере 1 млн. руб., если невиновен — то по закону [80].

Делегации обоих союзов добились приема у председателя военревкома Я. Д. Янсона и члена следственной комиссии Н. Ф. Чужака-Насимовича. Я. Д. Янсон, ознакомившись с требованием Союза георгиевских кавалеров, заявил, что по характеру использованных в нем выражений оно не подлежит рассмотрению военревкома, и указал на недопустимость давления на следственную комиссию. Домовладельцы получили ответ, гласивший, что об освобождении Л. Н. Скипетрова не может быть речи до окончания следствия, которое завершится не ранее, чем через неделю. Если следствие выявит уличающий полковника материал, то дело будет передано в суд.

Кроме того, Н. Ф. Чужак-Насимович заявил делегации Союза георгиевских кавалеров, что в следственном материале «имеются прямые уличающие данные о подготовке им организованного наступления на органы советской демократии и на Иркутский гарнизон» [75; 77]. В результате обе делегации не добились освобождения Л. Н. Скипетрова, хотя никаких материалов в следственной комиссии о его контрреволюционной деятельности не имелось. Причины нежелания военревкома освободить Л. Н. Скипетрова вполне понятны. Во-первых, полковник не скрывал свои антибольшевистские политические взгляды. Во-вторых, военревком нуждался в арестованном Л. Н. Скипетрове для оправ-

дания своих поступков и для демонстрации его как реального представителя контрреволюции тем, кто сомневался в ее существовании.

Нагнетание истерии и обострение ситуации. В своем стремлении захватить государственную власть большевики проявляли исключительную целеустремленность, настойчивость, решительность и агрессивность. Лейтмотивом агитации и пропаганды среди рабочих и солдат, масштабы которых они постепенно наращивали, было требование установить власть Советов. Вторым и не менее масштабным направлением их деятельности являлась дискредитация противников, начиная с Временного правительства и заканчивая всеми несогласными с ними. Образец поведения демонстрировал сам Б. З. Шумяцкий.

Так, 1 и 4 декабря Б. З. Шумяцкий провел в Черемхове, где выступил на заседании местного Совета рабочих и солдатских депутатов и перед шахтерскими коллективами. Вот фрагмент его речи, опубликованный в социалистической газете: «...Центросибирь встречает препятствия со стороны революционных и общественных организаций; реквизируются письма Центросибири; телеграммы не пересылаются; заказы на типографские работы не исполняются; срочные работы задерживаются на 1—2 месяца». Напомним, что к тому времени Центросибирь существовала не более десяти дней.

Дезинформация Б. З. Шумяцкого не прошла бесследно. Под ее влиянием Черемховский Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение обратиться к типографским рабочим Иркутска с призывом «оказать решительный отпор лжи против Центросибири в “Сибири” и “Иркутской жизни” вплоть до бойкота названных печатных органов» [50].

4 ноября по городу было расклеено пространное воззвание большевиков к гражданам Иркутска, под которым имелись подписи Иркутского комитета РСДРП(б), его военной секции, Центросибири и еще каких-то непонятных организаций. В воззвании утверждалось, что «на головы большевиков и восставших отрядов революционной демократии со всех сторон льются потоки грязи, лживых обвинений, неприкрытой вражды» [116, с. 36].

Главные обвинения в этом большевики обрушили на Временный комитет по охране революционного порядка, назвав его самозванным и упрекая в том, что призывы Комитета к сохранению порядка и спокойствия на деле «вносят лишь беспокойство, сеют тревогу среди мало осведомленного населения». Они осудили Комитет порядка «за его неосторожные, сеющие тревогу воззвания, за его деятельность, направленную против революционной борьбы трудящихся» и заявили о своем отказе участвовать в его работе. В воззвании меньшевики и правые эсеры были названы мелкобуржуазными партиями, только прикрывающимися лозунгами о сохранении завоеваний революции и необходимости Учредительного собрания, а на деле тоже обвиняющими большевиков в мятеже, беспорядках и анархии. Газета «Иркутская жизнь» была названа черносотенной, а «Сибирь» — «социалистически-кадетским недоноском». Утверждалось, что эти газеты, «подтасовывая факты и сообщения, подымают лай — тоже против революции трудящихся, тоже против большевиков» [116, с. 36].

Большевики заверяли иркутян, что они и идущие за ними рабочие и солдаты не собираются нарушать спокойствие их частной жизни, не допустят насилия над мирными гражданами, сами возьмут защиту населения от анархии и погромов в свои руки, и просили население доверить им это дело.

Воззвание заканчивалось патетическими словами: «Те, кто обвиняют рабочих и солдат и партию большевиков в подготовке безответственных выступлений, в смуте и погромах, — те оскорбляют революционный отряд иркутской демократии, те оскорбляют самую революцию. Да будет им стыдно! Не верьте им, граждане, они лгут!» [41; 116, с. 37].

В дальнейшем в своих выступлениях на собраниях рабочих и солдат большевики продолжали клеймить Временный комитет по охране революционного порядка, называли его контрреволюционным и погромным, требовали его роспуска. Под влиянием большевиков решение об отзыве своего представителя из Комитета по охране революционного порядка принял Совет военных депутатов. Собрание рабочих организаций, фабзавкомов, членов Совдепа рабочих, членов правлений профсоюзов постановило отказаться от участия в Комитете по охране революционного порядка, как «имеющем явную тенденцию превратиться в комитет для подавления революционной борьбы левой части демократии» [38].

Видимо, в ночь на 4 декабря подвергся обыску находившийся в Белом доме кабинет редактора газеты «Единение» М. М. Константинова. Все ящики его рабочего стола оказались перерыты, причем был осуществлен просмотр не только переписки о газете, но и материалов объединенной губернской организации РСДРП, председателем комитета которой являлся М. М. Константинов [63].

Можно предположить, что еще до ареста офицеров штаба Иркутского военного округа начальники военного училища, школ прапорщиков и казачьего дивизиона довольно хорошо сознавали угрозу, которая исходила от военревкома и нависла над ними. Тем более, что на публичных мероприятиях большевики взяли за правило клеймить казаков и юнкеров как противников Советов, потенциальных контрреволюционеров и врагов народа. «Большевистская агитация среди частей местного гарнизона в течение октября и ноября месяцев велась неуклонно вместе с натравливанием солдатских масс на юнкеров, — свидетельствовал хорошо знавший военную среду Иркутска Олесин. — Враждебное настроение местных полков к юнкерам определенно выявлялось на многочисленных гарнизонных собраниях, атмосфера заметно и быстро сгущалась... Юнкерам часто приходилось выслушивать на улицах города оскорбления со стороны солдат; были, говорят, попытки последних к оскорблению действием» [84; 112].

В такой обстановке для выработки более правильной политической линии своего поведения казаки и юнкера сформировали собственный коллективный орган — исполнительное бюро военно-учебных заведений и казачьего дивизиона. Это бюро сформулировало требования, при соблюдении которых казаки и юнкера гарантировали свое невмешательство в борьбу политических партий и в жизнь гарнизона, отказываясь тем самым от активного выступления в качестве военной силы. Начальники военного училища, школ прапорщиков и казачьего дивизиона сообщили эти требования военревкому.

Они открыто заявили, что не признают военревком в качестве высшей власти в Иркутской губернии по причине его исключительно большевистского состава и несоответствия принципам демократии. Вместе с тем, считаясь с напряженной общественно-политической обстановкой и стремясь избежать осложнений, которые могут привести к нежелательным конфликтам, они согласны в интересах порядка и охраны города работать в контакте с военревкомом на следующих условиях:

«1) Полная автономность и неприкосновенность существующей организации военно-учебных заведений и казачьего дивизиона в лице исполнительного бюро военно-учебных заведений и казачьего дивизиона.

2) Приказы о вызове юнкерских и казачьих частей производятся через исполнительное бюро воен[но]-учебных заведений и казачества.

3) Военно-революционный комитет принимает немедленно все меры к прекращению травли юнкеров и казаков, выпустив для этого в первую очередь обращение к Иркутскому гарнизону в согласии с исполнительным бюро военно-учебных заведений [и] казачьего дивизиона.

4) По всем вопросам, касающимся военно-учебных заведений и казачьего дивизиона, военно-революционный комитет сносятся предварительно с исполнительным бюро военно-учебных заведений и казачьего дивизиона. <...>

6) В целях поддержания нормального течения жизни и сохранения основных принципов гражданской свободы гарантируется полная свобода печати и неприкосновенность личности» [149].

Предложения исполнительного бюро военно-учебных заведений и казачьего дивизиона были рассмотрены военревкомом и признаны приемлемыми. Н. Ф. Чужак-Насимович получил задание военревкома в согласии с исполнительным бюро выпустить воззвание к гарнизону о лояльности иркутских юнкеров и о провокаторских попытках отдельных лиц натравить одну часть армии на другую [78]. Узнав о достигнутом соглашении, иркутяне, с напряжением следившие за обострением отношений между солдатами и юнкерами, вздохнули с облегчением. Но ненадолго.

Состоявшееся соглашение добросовестно соблюдалось только одной стороной — казаками и юнкерами. Вторая же сторона его не только не выполняла, но и целенаправленно наращивала свою клеветническую агитацию и пропаганду в солдатской и рабочей массе. Журналист Ю. Грандов, непосредственно наблюдавший эту деятельность, так описал ее содержание, масштабы и результаты: «Каждое собрание, каждое выступление большевиков отравляло душу солдата подозрительностью и животной враждой то к неведомой его бесхитроственному сознанию “буржуазии”, то к “империалистам-союзникам”, то к “контрреволюционерам”, то к “соглашателям”, то к “интеллигентам” вообще, то к инакомыслящему товарищу по казарме. В конце концов все инакомыслящие сначала на языке увертливых сирен большевизма, а потом уже и в представлении солдат превратились в “контрреволюционеров” и “врагов народа”, которым должна быть объявлена беспощадная борьба, “борьба до победного конца”» [30; 64].

Правые эсеры, являвшиеся в Иркутске главными противниками большевиков, по свежим следам так описывали их деятельность в конце октября — начале декабря 1917 г.: «Иркутская организация партии социалистов-революционеров с тревогой следила за ростом большевистского настроения среди солдатских и рабочих масс; она видела, какими ложными, ничего общего с революцией не имеющими лозунгами отравлялся гарнизон, как раздувалась в нем братоубийственная вражда, как лихорадочно раздавались винтовки всякому, готовому признать “Советскую власть”, как шла подпольная подготовка к какому-то вооруженному выступлению, как заранее готовились уже боевые позиции и занимались школы и больницы» [83; 154].

Судя по всему, в ряду мероприятий, которые большевики планировали для демонстрации своей силы и подъема духа у шедших за ними рабочих и солдат, должен был стать новый праздник — «День Советов Сибири». Военревком наметил провести его в воскресенье, 3 декабря. В программе акции значились митинги, спектакли, демонстрации и еще какие-то «сборы». Для развлечения публики предполагалось использовать труппу городского театра и задействовать иллюзионы. Гвоздем мероприятия должен был стать «вооруженный смотр солдат» — так был назван военный парад, назначенный на 12 часов дня [75; 78]. Чтобы праздник принес его инициаторам и организаторам не только эстетическое удовольствие, 30 ноября военревком за подписью Я. Д. Янсона и П. П. Постышева предложил директору городского театра и владельцам иллюзионов отчислить полностью весь дневной сбор в пользу Иркутского Совета рабочих и солдатских депутатов [61].

Но задуманное пошло не по плану. Для начала не заладилось с погодой. Из-за сильного мороза военревкому пришлось отменить мероприятия на улице. Еще хуже оказалось то, что труженики театра и кино сильно возбудились. Они не просто отказались

удовлетворить требование военревкома пожертвовать своим однодневным заработком, а пообещали бороться за его сохранение всеми имевшимися у них средствами, в том числе апеллировать к городскому управлению и к населению, «призывая их к протесту против таких настойчивых предложений большевиков» [61].

Видимо, большевики посчитали нужным немедленно восстановить свой пошатнувшийся авторитет в глазах рабочих и солдат. Для этого они решили сделать следующий шаг в борьбе за установление власти Советов в Иркутске. В ночь на 4 декабря военревком провел «строго конспиративное» заседание, на котором постановил арестовать губернского комиссара И. А. Лаврова и подчинить себе казенные учреждения, для чего направить в них в качестве советских руководителей своих комиссаров [131, с. 24—25].

Утром 4 декабря этот план стал воплощаться в жизнь. Сначала был арестован И. А. Лавров. Вслед за ним подверглись задержанию управляющий казначейством за сдачу ключей городскому самоуправлению и управляющий акцизными сборами Никольский за отказ признать власть военревкома. Дважды предпринимались попытки арестовать гласного городской думы, редактора газеты «Сибирь» И. Г. Гольдберга. Но обе они сорвались, так как первый раз это не позволили сделать служащие интендантства, где он выступал, второй раз — служащие городской думы [63; 93; 155].

Утром того же дня 11 большевиков, назначенных военревкомом комиссарами, с соответствующими ордерами и в сопровождении солдат и красногвардейцев, появились в телеграфной конторе, на телефонной станции, в казначействе, в казенной и контрольной палатах, на таможене, в губернском управлении, акцизном управлении, в управлении государственными имуществами, горном управлении, продовольственном комитете, в штабе Иркутского военного округа, опечатав помещения политического отдела и контрразведки, а также в государственном и частных банках. Однако служащие всех учреждений отказывались им подчиниться, протестовали против ввода в служебные помещения вооруженных людей и насилия с их стороны, прекращали работать и расходились по домам. Более того, в знак протеста против действий исполнителей распоряжений военревкома служащие почти всех учреждений начали забастовку [63; 157]. Вопрос о присоединении к забастовке обсуждали также служащие торгово-промышленных заведений и городского самоуправления.

Хотя забастовка началась и протекала мирно, обстановка в городе почти сразу стала тревожной. Она заметно обострилась, когда военревком занял по отношению к забастовщикам жесткую позицию. 5 декабря он потребовал от всех служащих правительственных учреждений вернуться к исполнению своих обязанностей. Военревком заявил, что те, кто не выйдет на работу до 7 декабря, будут считаться уволенными без права на получение пенсии и выселяться из служебных квартир в трехдневный срок. Военнообязанным служащим военревком пригрозил отправкой в действующую армию [63]. Тем не менее забастовщики не дрогнули. Они держались до 18 декабря и прекратили бастовать только по решению стачечного комитета. Входило или нет такое развитие событий в планы военревкома, но жизнь значительной части города оказалась парализованной его решениями.

От советской демократии к штыкочетности. Со времени образования военревкома приоритетной задачей большевиков являлось улучшение своего положения в городском пространстве, наращивание собственной вооруженной силы и ослабление позиций противников.

Безусловно, во второй половине ноября большевики добились заметных успехов на всех направлениях. Выразительным показателем их успехов стали изменения в составе «квартирантов» Белого дома, который после Февральской революции стал собственностью Краевого исполнительного комитета и всегда являлся резиденцией высших органов

местных властей. До середины ноября здесь располагались кабинет и канцелярия комиссара Временного правительства по Восточной Сибири А. Н. Кругликова, Окружное бюро Советов Восточной Сибири, Краевой исполнительный комитет общественных организаций Восточной Сибири, комендатура Временного комитета по охране революционного порядка, Исполнительная комиссия Совета военных депутатов, комитеты обоих Совдепов. Но А. Н. Кругликов, избранный депутатом Учредительного собрания, оставил свой пост и покинул Иркутск. Накануне отъезда он передал все свои полномочия, в том числе управление Белым домом, Окружному бюро Советов. Но 15 ноября Белый дом стал резиденцией Центросибири. Через несколько дней сюда же перебрался временный военревком, а затем и штаб Красной гвардии. В результате большевики и руководимые ими структуры стали почти полновластными хозяевами Белого дома, оттеснив от управления им Окружное бюро Советов.

По приказу военревкома Белый дом был взят под охрану солдатами и красногвардейцами. Для охраны понтонного моста через Ангару военревком установил усиленный наряд из солдат, а для размещения запасных смен наряда выписал ордер на реквизицию находившегося поблизости помещения частной прогимназии М. В. Гайдук, несмотря на протесты работавших в ней преподавателей. Возглавляемые большевиками Совет военных депутатов и его Исполнительная комиссия настойчиво добивались от командующего войсками округа освобождения из заключения почти трехсот солдат, которые в конце сентября 1917 г. подверглись аресту за нарушение воинской дисциплины и участие в беспорядках [48; 63; 75; 153]. Такая активность радикалов в данном вопросе была понятна — арестованные солдаты были их потенциальным резервом.

В то же время Центросибирь воспротивилась исполнению приказа по Иркутскому военному округу об увольнении в отпуск на девять недель 10% наличного состава каждой воинской части, продиктованного отсутствием финансовых средств в государственном казначействе, хотя этот приказ был одобрен Исполнительной комиссией Совета военных депутатов, а затем и Окружным бюро Советов [49—51; 143]. В противовес обеим названным инстанциям по воинским частям была разослана телефонограмма за подписью Б. З. Шумяцкого, в которой содержалась просьба к солдатам «никому отпусками не пользоваться, так как разбежка революционных солдат в такой момент может сыграть только на руку контрреволюционерам» [51; 52].

Тогда же военревком постановил дополнительно выдать Красной гвардии 100 винтовок и около 9 тыс. патронов к ним [78]. 30 ноября вооруженные солдаты окружили 4-й комиссариат милиции, фактически арестовали его начальника, взломали печати шкафов, в которых хранилось 45 винтовок, и изъяли их. Солдаты имели на руках документ за подписью помощника адъютанта Б. З. Шумяцкого, содержавшего просьбу к милиционерам не чинить препятствий солдатам, посланным за оружием [62; 152].

Умеренные социалисты на основании информации о деятельности большевиков знали, что радикалы в борьбе за власть готовы использовать крайние меры. Показательна полемика, которая произошла 24 ноября на заседании Иркутской городской думы между большевиком Н. А. Алексеевым и эсером И. Г. Гольдбергом. Опровергая обещания большевика Н. А. Алексеева не применять в борьбе никаких агрессивных мер, И. Г. Гольдберг прямо заявил: «У нас есть факты, что вы начнете насилие. Вы идете по программе петроградских большевиков» [78].

Утверждение И. Г. Гольдберга вскоре подтвердилось. 7 декабря состоялось гарнизонное собрание, на котором солдаты потребовали разоружения юнкеров. В тот же день военревком предписал юнкерам и казакам сдать оружие к 14 часам 8 декабря. Такой приказ являлся продолжением прежней политики большевиков, травившей юнкеров и ка-

заков как потенциальных контрреволюционеров и отражавшей настроения солдатской массы гарнизона. Ненависть части солдат, шедших за большевиками и левыми эсерами, к юнкерам и казакам усиливалась информацией периодической печати, сообщавшей о борьбе донского казачества во главе с генералом А. М. Калединым против Советов и о расправах с юнкерами в Петрограде, Москве, Киеве и других городах. Под ее влиянием в солдатских рядах широкое распространение получила идея расправиться с местными юнкерами по примеру столиц и тем самым укрепить власть Советов.

Выполнить приказ военревкома и добровольно сдать оружие юнкера отказались. По их мнению, существовала высокая вероятность того, что после сдачи оружия с ними расправятся. В ответ юнкера потребовали от военревкома произвести их в офицеры, выдать деньги на обмундирование и проезд, но получили отказ. 7 декабря Б. З. Шумяцкий, наделивший себя званием комиссара по военным делам на правах командующего Иркутским военным округом, объявил приказ о расформировании военного училища и школ прапорщиков [108, с. 26].

Для обсуждения возникшей ситуации было срочно созвано общее собрание офицеров и юнкеров военного училища. Его участники прекрасно понимали, что большевики пытаются не на словах, а на деле захватить в Иркутске власть и ликвидировать юнкеров, стоящих у них на этом пути. Собрание пришло к выводу, что нужно отказаться от ранее проводившейся политики военного нейтралитета в межпартийной борьбе. Поэтому подчиниться приказу Б. З. Шумяцкого юнкера отказались. Более того, они предложили военревкому отозвать своих представителей (комиссаров) из правительственных учреждений, угрожая в противном случае выступить против такого насилия с оружием в руках.

Чтобы устранить всякие кривотолки о том, что юнкера воюют против большевиков из-за золотых офицерских погон, они заявили о возможности вступить в борьбу против большевиков в качестве обычных горожан, отстаивающих свои гражданские права. Правда, офицеры предлагали другой, более радикальный вариант — объявить войну большевикам и установить в Иркутске власть юнкеров и казачества. Однако основная масса юнкеров высказалась за первое предложение.

Такое же предложение вынесли юнкера 1-й школы прапорщиков, которые солидаризировались со своими коллегами из училища. Но значительная часть его воспитанников, отказавшихся участвовать в борьбе с большевиками, получила возможность свободно покинуть стены заведения. В результате ушло около 150 человек, а осталось 380. О позиции юнкеров большевистские власти получили информацию в тот же день [8; 81].

Поскольку приказу о сдаче оружия юнкера подчиниться отказались, у противоположной стороны стали нарастать агрессивные настроения. Желая предотвратить назревавшее вооруженное столкновение, Комитет защиты революции предпринял попытку повлиять на позицию военревкома. Но она оказалась безуспешной. «Военно-револ[юционный] к[омите]т и его вожак Борис Шумяцкий, — писал журналист Н. Катин, — что называется, “закусили удила” и стремительно понеслись к разрешению вопроса оружием» [93; 155].

Анализируя военно-политические процессы в России осенью 1917 г., иркутский меньшевик А. Т. Самохин пришел к такому выводу: «Никогда еще штык не играл такой решающей роли в судьбах России, какую он теперь играет в судьбах революционного творчества... Штыками охраняется господство большевиков, штыками угрожают всем инакомыслящим, штыками пишут кровавую историю господства правящего большевизма, штыками не пускают народную волю на широкую арену государственного творчества» [59]. Политический режим, который большевики установили в Петрограде и стали

внедрять на просторах России, А. Т. Самохин квалифицировал как власть штыка — штык-кократию.

Ночь на 8 декабря большевики провели за подготовкой к боевым действиям. «Вид Белого дома 8-го с утра уже представлял военный стан, — писал журналист Ю. Грандов. — На всех углах толпы солдат и “красногвардейцев”, внимательно оглядывающих каждого проходящего. Вестибюль дома и весь нижний этаж набит вооруженными. По лестницам взад и вперед, как сказочный дракон в стальной чешуе, непрерывно ползут солдаты и штатские, блистая винтовками. Верхние этажи также полны вооруженными. Везде сплошная щетина штыков и тесаков» [30].

Утром 8 декабря юнкера получили очередной приказ Б. З. Шумяцкого, предписывавший им, по одним данным, до 12 часов, по другим — к 14 часам сдать оружие. Юнкера снова ответили отказом, но при этом сами ничего не предприняли. В то же время большевики резко активизировались, изменив городской облик. Вот что врезалось в память журналисту Ю. Грандову: «...с полудня город начал принимать вид военного лагеря перед наступлением неприятеля: на улицах патрули солдат, кучки штатских с винтовками через плечо, конные вестовые, торопливость и нервность граждан... Все свидетельствует о чем-то страшном, надвигающемся на город» [31].

Умеренные социалисты, однако, не оставляли надежды не допустить перерастания политического противостояния в вооруженную борьбу. Попытку предотвратить нависшую опасность предпринимали представители эсеров, обратившись с этой целью в Окружное бюро Советов и в Комитет защиты революции. Но, как утверждал Иркутский комитет партии эсеров, военревком, «считая себя превыше всех, отвергнул всякие мирные пути к разрешению спора» [83; 154].

В начале 8 декабря кому-то из умеренных социалистов удалось получить доступ на заседание Окружного бюро Советов. Его численность к тому времени увеличилась примерно до трех с половиной десятков человек. Как минимум половина из них были новичками, которые еще не освоились в новой роли и чувствовали себя не очень уверенно. Количество большевиков и левых эсеров в Бюро увеличилось. Среди новых его членов, только что прибывших с мест, они чувствовали себя очень уверенно, а вели себя иногда просто беспардонно. Судя по всему, на заседании Бюро должен был обсуждаться вопрос об Окружном военно-революционном комитете — очередном детище Б. З. Шумяцкого и Центросибири. О его создании большинство членов Бюро узнало только из газет. Они осведомились, кем, как и зачем создан еще один военревком, нужен ли он, какова его компетенция. Внятных ответов на заданные вопросы члены Бюро от присутствовавших на заседании членов Иркутского военревкома не получили. Но они услышали угрозу «беспощадно расправиться со всеми, кто будет противодействовать “власти рабоче-крестьянского правительства”», прозвучавшую из уст Б. З. Шумяцкого [30; 64].

Заметно больше членов Бюро интересовал смысл происходивших по указанию военревкома военных приготовлений. Они не скрывали своей обеспокоенности и тревоги из-за повышенной активности солдат гарнизона и красногвардейцев, которые заняли набережную Ангара от Белого дома до понтона, здания городских училищ, помещение союза профсоюзов на Троицкой улице, гостиницу около понтона, кварталы, прилегавшие к казармам военного училища, 1 и 2-й школ прапорщиков, а также установили в пределах видимости из окон Белого дома два артиллерийских орудия.

В ответ они услышали утверждение Д. Т. Тананайко о том, что, по имеющимся у него сведениям, «и другие вооружаются». Заявления П. П. Постышева и М. А. Трилиссера были еще агрессивнее и сводились к следующему: «Теперь поздно говорить об этом. События не предотвратимы. Нечего метать буржуазные громы и молнии на Советскую

власть. Она должна сломить сопротивление». Однако обеспокоенность членов Окружного бюро Советов не прошла даром. Члены военревкома согласились принять специальную делегацию, которую прислал в Белый дом для переговоров Комитет защиты революции. Но большевики заранее предупредили членов Бюро, что примут делегацию «только с одной целью — с целью предложения юнкерам разоружиться» [30; 64].

Примерно в 2 часа дня, после 10—15-минутного ожидания в коридоре, делегация Комитета защиты революции в составе товарища председателя городской думы меньшевика Л. Я. Буткевича и гражданина Бодрицкого была принята председателем военревкома Я. Д. Янсоном. «Мы стоим перед бойней», — такими словами начали разговор члены делегации. На это Я. Д. Янсон ответил, что он считает так же.

От имени Комитета защиты революции члены делегации заявили, что считают «необходимым принять все меры и использовать все средства, чтобы избежать бойни», и для этого они предлагают вступить в переговоры. Я. Д. Янсон ответил согласием на переговоры и запросил условия Комитета защиты революции. Делегация озвучила эти условия: отзыв комиссаров и военных из всех учреждений Иркутска, отказ от разоружения и расформирования военного училища и школ прапорщиков, организация общесоциалистической власти с участием в ней городского и земского самоуправлений.

В свою очередь Я. Д. Янсон сообщил, что на таких условиях соглашение невозможно. Требования военревкома имеют прямо противоположный характер: разоружение и расформирование военного училища и школ прапорщиков, сохранение комиссаров во всех учреждениях, роспуск стачечного комитета служащих, формирование власти на условиях большевиков, т. е. без участия городского и земского самоуправлений.

Делегаты сообщили, что поскольку они не уполномочены принимать решения, то передадут эти условия Комитету защиты революции, и попросили до начала переговоров боевые действия не открывать. Я. Д. Янсон ответил категорическим отказом: «Мы на это решительно не согласны. Для нас всякое промедление приносит вред».

Делегация затем дважды просила Я. Д. Янсона для предотвращения бойни задержать открытие боевых действий еще на полчаса — час, чтобы Комитет защиты революции смог обсудить условия военревкома. В первый раз она услышала в ответ «Не можем», во второй — «Не можем медлить» [20; 157].

Около 4 часов на Амурской улице около Госбанка раздались первые винтовочные выстрелы, а полчаса спустя начался артиллерийский обстрел 1-й школы прапорщиков. Большевики были по-своему последовательны и по-прежнему решительны. Несколько дней готовившиеся к решающей схватке за власть, они не хотели упустить свой шанс. Угроза ее перерастания в кровавую баню на площадях и улицах Иркутска, в ходе которой к тому же можно было покончить с ненавистными юнкерами, большевиков не остановила и даже, как показало последующее их поведение, не смутила. В нем была своя логика — логика людей, рвавшихся к власти и прикрывавших свои узко корыстные интересы словами о трудящихся, о революционной демократии и о власти Советов рабочих и крестьян.

В своем стремлении захватить государственную власть большевики проявляли исключительную целеустремленность, настойчивость и решительность. За месяц с небольшим существования в Иркутске Центросибири они прибегали ко лжи и подлогам, обыскам и арестам, ограничению свободы слова, угрозам и насилию. Складывалось впечатление, что в их арсенале отсутствовали ограничения на средства и способы борьбы. В отличие от умеренных социалистов большевиков не страшил ни раскол в рядах революционной демократии, ни гражданская война внутри нее, ни гражданская война в России в целом.

Показательно в этом отношении выступление 26 ноября в Иркутске главного большевистского пропагандиста в Сибири Я. Е. Богграда. На этот раз он выступал с лекцией на тему «Кто такой Ленин и почему его так травят буржуи и иные партии», на которой присутствовало около 550 человек, в основном солдаты и рабочие. После лекции один из слушателей стал упрекать большевиков за то, что они проповедуют гражданскую войну, грозящую России гибелью. В ответ Я. Е. Богград заявил, что гражданская война при известных условиях является необходимым оружием в борьбе народа против его угнетателей, что большевики проповедуют гражданскую войну не для одной России, а для всех стран, втянутых в мировую бойню, и что превращение империалистической войны в гражданскую является «единственным средством положить конец войне» [97].

Заключение

Создание 23 октября 1917 г. на Первом общесибирском съезде Советов Центросибиря, состоявшей из левых радикалов и возглавляемой большевиком Б. З. Шумяцким, положило начало политическому конфликту в Иркутске. С первого дня своего существования и с первых шагов деятельности Центросибирь пыталась прежде всего утвердиться в качестве высшего органа Совдепов в Сибири, вступив по этому вопросу в конфронтацию с Окружным бюро Советов Восточной Сибири. В его составе доминировали умеренные социалисты. Оно позиционировало себя на территории Иркутского военного округа как высшую советскую инстанцию и поддерживало Временное правительство.

Одновременно возглавляемые Центросибирью большевики Иркутска широко развернули среди населения, прежде всего среди солдат гарнизона, агитацию за установление власти Советов. Иркутские большевики действовали не только активно и стандартно, ориентируясь в своей работе на Красноярск, игравший роль «сибирского Кронштадта», но и креативно. За счет массовой агитации они смогли убедить рабочих и солдат в том, что состав существовавших в Иркутске Совдепов фальсифицирован из-за присутствия в них нерабочих элементов, добились пересмотра их уставов и переизбрания. К середине ноября левые радикалы возглавили оба Совдепа Иркутска, а потом и их объединенный Совет, вытеснив с руководящих позиций меньшевиков и эсеров.

Поспешность и решительность, с которой действовали большевики в Иркутске, можно объяснить разными причинами. Безусловно, прежде всего сказалось их стремление выполнить директиву партийного руководства о необходимости поддержать победу в Петрограде аналогичными результатами борьбы на местах. Сыграли свою роль карьерные амбиции Б. З. Шумяцкого, который мечтал достичь стремительного и крупного успеха в Сибири. Возможно, обострением борьбы за власть большевики хотели сорвать выборы в Учредительное собрание в Иркутске, а установлением власти Советов еще до начала выборов в Учредительное собрание поставить под сомнение необходимость в российской Конституанте.

Напрашивается вопрос: почему меньшевики и эсеры не проявили должной активности и, главное, решительности в борьбе за Советы, из-за чего довольно легко и быстро потеряли имевшиеся у них руководящие позиции? Можно высказать гипотезу, что такое поведение умеренных социалистов в значительной мере объяснялось теми надеждами и иллюзиями, которые они связывали с Учредительным собранием, на выборах в которое они сконцентрировали свои силы и реально добились в Иркутске успеха. Умеренные социалисты, сделавшие ставку на Учредительное собрание, в качестве местных органов власти в демократической России видели не Советы, а городские думы и земские учреждения. Совдепы, по их мнению, уже к осени 1917 г. в значительной мере исчерпали свой ресурс, перестали пользоваться прежним авторитетом у трудящихся, утратили роль локомотива революции.

В противовес большевикам меньшевики и эсеры Иркутска на роль органа борьбы за сохранение существующего положения выдвинули городскую думу, которая для недопущения в городе хаоса и погромов на продовольственной почве учредила Временный комитет по охране революционного порядка. Последний, в свою очередь, выделил из своего состава в качестве чрезвычайного органа власти революционную комендатуру. Новообразованные структуры нашли поддержку Окружного бюро Совдепов, комиссара Временного правительства по Восточной Сибири, двух оказавшихся по делам службы в Иркутске товарищей министра и др.

Дальнейшее обострение конфликта произошло после учреждения большевистскими Совдепами по образцу Петрограда собственного чрезвычайного органа власти — Временного военно-революционного комитета. Большевики объявили военревком правомочным агентом существовавшего в Петрограде Совета народных комиссаров и тем самым, казалось бы, сделали сильный ход. Но твердой уверенности в прочности и долговечности Совнаркома, особенно в связи с уже имевшимися результатами выборов в Учредительное собрание, у большинства населения не было. Отказались признать большевистский военревком и ключевые политические игроки Иркутска.

Для того чтобы сломить сопротивление несогласных и сопротивлявшихся, большевики повели агрессивную агитацию, противопоставляя малограмотные и неграмотные низы демоса образованной части жителей, интеллигенции, служащим, юнкерам и офицерам, искусственно разжигая между ними противоречия и вражду, буквально натравливая их друг на друга. В ход пошли лживые утверждения о контрреволюционном заговоре в штабе Иркутского военного округа, сопровождавшиеся арестами его сотрудников — генералов и офицеров, виновность которых позднее не подтвердилась. В государственные учреждения для подчинения их военревкому были направлены 11 комиссаров в сопровождении военных отрядов, подвергся аресту губернский комиссар И. А. Лавров. Наиболее провокационное воздействие испытали на себе юнкера. Им было предъявлено требование разоружиться, отказано в производстве в офицеры и отклонено требование откомандировать их в полки. Тем самым количество участников конфликта увеличилось, его зона расширилась, а отношения между актерами резко обострились.

И самое главное — большевики настойчиво вели подготовку к использованию имевшейся в их распоряжении вооруженной силы для морального, политического, а при необходимости и физического подавления противника. В отличие от умеренных социалистов большевики не боялись гражданской войны, считая ее эффективным средством разрешения социальных противоречий, и поэтому действовали без морального ограничения.

Попытка умеренных социалистов не допустить подготовленного большевиками вооруженного боестолкновения была решительно отвергнута руководителями последних. Имея численное преимущество в вооруженных силах, левые радикалы намеревались разрешить политический конфликт вооруженным путем. Перерастание политического конфликта в его новую, военную фазу было неотвратимо.

Список источников

1. Абов А. Октябрь в Восточной Сибири (отрывки воспоминаний) // Сибирские огни. Ново-Николаевск, 1924. № 4. С. 107—121.
2. Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск : Наука, 1978. 255 с.
3. Азиатская Россия. Т. 1: Люди за Уралом. СПб. : [Б. и.], 1914. 578 с.
4. Айдаров Г. А. К вопросу о декабрьских событиях 1917 г. в Иркутске // Дуловские чтения 1997 г. Секция история : материалы докладов и сообщений. Декабрь 1997 г. Иркутск : Изд-во ИГПУ, 1998. С. 123—127.
5. Алексеев Н. А. Иркутск в начале Октябрьской революции // Каторга и ссылка. 1932. № 11—12. С. 296—300.

6. Багаев Б. Ф. Борис Шумяцкий: Очерк жизни и деятельности. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1974. 204 с.
7. Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 — февраль 1918). Новосибирск : Наука, 1978. 285 с.
8. Берг В. К событиям в Иркутске. (Объяснение бывшего юнкера) // Власть труда. Иркутск, 1918. 9 янв.
9. Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (октябрь 1917 г. — июль 1918 г.) : сб. документов. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. 423 с.
10. Буйских А. Н. Революционные очерки. Из воспоминаний за 25 лет. Новониколаевск : Клич, 1922. 143 с.
11. Бюллетень исполнительной военной комиссии Совета военн[ых] депутатов. Иркутск, 1917. № 1, 22 сент.
12. Бюллетень исполнительной военной комиссии Совета военн[ых] депутатов. Иркутск, 1917. № 2, 25 сент.
13. Великая российская революция, 1917: сто лет изучения : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 9—11 окт. 2017 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 808 с.
14. Вендрих Г. А. Белый дом : (Из истории борьбы за власть Советов в Иркутске). Иркутск : Кн. изд-во, 1956. 23 с.
15. Виленский-Сибиряков Вл. Борьба за Советскую власть (Центросибирь). 1917—1918 гг. М. : [б. и.], 1926. 22 с.
16. Владимирова В. Из недавнего прошлого: I. Военные организации большевиков. II. Февраль и Октябрь в Сибири. М. ; Л. : Молодая гвардия, 1924. 200 с.
17. Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. Chalidze Publications, 1990. 302 с.
18. Голдин В. И. Гражданская война в России. 1917—1922: осмысление через столетие // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 3. С. 538—557. DOI: 10.21638/spbu24.2024.301.
19. Голдин В. И. Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие : в 2 т. М. : Кучково поле, 2025. Т. 1. 736 с. ; Т. 2. 624 с.
20. Голос Сибири. Новониколаевск, 1918. 3 янв.
21. Голос социал-демократа. Иркутск, 1917. 4 мая.
22. Голос социал-демократа. Иркутск, 1917. 6 авг.
23. Голос социал-демократа. Иркутск, 1917. 13 авг.
24. Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний 1917—1922 : материалы Междунар. коллоквиума (С.-Петербург, 10—13 июня 2019 г.). СПб. : Нестор-История, 2020. 654 с.
25. Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности : сб. науч. тр. Новосибирск : Параллель, 2022. 406 с.
26. Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.) : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2019. 480 с.
27. Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Омск, Россия, 20—21 окт. 2021 г.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2021. 343 с.
28. Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Россия, Омск, 18—19 окт. 2023 г.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2023. 444 с.
29. Грандов Ю. Зловещее начало // Сибирь. Иркутск, 1917. 26 нояб.
30. Грандов Ю. Перед грозой // Единение. Иркутск, 1917. 21 дек.
31. Грандов Юрий. Первые дни и ночи осады Иркутска. (Отрывки впечатлений) // Сибирь. Иркутск, 1917, 24, 25 дек.
32. Гудошников М. А. Декабрьские бои 1917 г. в Иркутске. Иркутск : Тип. Крайгиза, 1932. 64 с.
33. Единение. Иркутск, 1917. 5 окт.
34. Единение. Иркутск, 1917. 27 окт.
35. Единение. Иркутск, 1917. 28 окт.
36. Единение. Иркутск, 1917. 29 окт.
37. Единение. Иркутск, 1917. 31 окт.
38. Единение. Иркутск, 1917. 2 нояб.
39. Единение. Иркутск, 1917. 3 нояб.
40. Единение. Иркутск, 1917. 4 нояб.
41. Единение. Иркутск, 1917. 5 нояб.
42. Единение. Иркутск, 1917. 7 нояб.

43. Единение. Иркутск, 1917. 8 нояб.
44. Единение. Иркутск, 1917. 9 нояб.
45. Единение. Иркутск, 1917. 10 нояб.
46. Единение. Иркутск, 1917. 11 нояб.
47. Единение. Иркутск, 1917. 14 нояб.
48. Единение. Иркутск, 1917. 15 нояб.
49. Единение. Иркутск, 1917. 16 нояб.
50. Единение. Иркутск, 1917. 17 нояб.
51. Единение. Иркутск, 1917. 19 нояб.
52. Единение. Иркутск, 1917. 21 нояб.
53. Единение. Иркутск, 1917. 23 нояб.
54. Единение. Иркутск, 1917. 24 нояб.
55. Единение. Иркутск, 1917. 25 нояб.
56. Единение. Иркутск, 1917. 26 нояб.
57. Единение. Иркутск, 1917. 28 нояб.
58. Единение. Иркутск, 1917. 29 нояб.
59. Единение. Иркутск, 1917. 30 нояб.
60. Единение. Иркутск, 1917. 1 дек.
61. Единение. Иркутск, 1917. 2 дек.
62. Единение. Иркутск, 1917. 3 дек.
63. Единение. Иркутск, 1917. 6 дек.
64. Единение. Иркутск, 1917. 21 дек.
65. Захарова К. Л. Окружное бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири (апрель — октябрь 1917 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 4. С. 114—118. DOI: 10.15372/HSS201604206.
66. Захарова К. Л. Советская элита Сибири (март — октябрь 1917 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016, Т. 15, № 8: История. С. 108—119.
67. Знаменская Р. А. Иркутск в борьбе за власть Советов. Иркутск : Издание Иркутской секции научных работников, 1929. 40 с.
68. Иркутск накануне и в 1917 году. Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л. М. Дамешека. Иркутск : Оттиск, 2017. 544 с.
69. Иркутская городская дума в 1917 году / А. В. Петров, М. М. Плотникова, В. П. Шахеров, А. В. Ильина ; науч. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск : Оттиск, 2018. 292 с.
70. Иркутская жизнь. 1917. 2 нояб.
71. Иркутская жизнь. 1917. 4 нояб.
72. Иркутская жизнь. 1917. 9 нояб.
73. Иркутская жизнь. 1917. 17 нояб.
74. Иркутская жизнь. 1917. 21 нояб.
75. Иркутская жизнь. 1917. 23 нояб.
76. Иркутская жизнь. 1917. 25 нояб.
77. Иркутская жизнь. 1917. 26 нояб.
78. Иркутская жизнь. 1917. 28 нояб.
79. Иркутская жизнь. 1917. 29 нояб.
80. Иркутская жизнь. 1917. 30 нояб.
81. Иркутская жизнь. 1917. 1 дек.
82. Иркутская жизнь. 1917. 22 дек.
83. Иркутская жизнь. 1917. 23 дек.
84. Иркутская жизнь. 1917. 25 дек.
85. История Иркутска XX века : хрестоматия. Иркутск : НПФ «Земля Иркутская» : Оттиск, 2016. 544 с.
86. История России : в 20 т. Т. 11 : Империя, война, революция. Кн. 2 : От развала империи к гражданской войне. М. : Наука, 2024. 783 с.
87. История России : в 20 т. Т. 12 : Гражданская война в России. 1917—1922 годы. Кн. 1 : Военное и политико-дипломатическое противоборство. М. : Наука, 2024. 969 с.
88. История России : в 20 т. Т. 12 : Гражданская война в России. 1917—1922 годы. Кн. 2 : Власть. Экономика. Общество. Культура. М. : Наука, 2024. 919 с.
89. Калашников В. В. «История России». Том XI: Великая Российская революция как иррациональный бунт «охласа» // Ключевые проблемы русской революции в историографии сегодняшнего дня : сб. материалов конф. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. С. 162—180.

90. Калашников В. В. Переиздание 11 тома необходимо // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России / ред. кол.: В. И. Голдин [и др.]. Архангельск : [б. и.], 2025. Вып. 6 : Столетие Гражданской войны в России, ее исторические уроки и историческая память. С. 65—75.
91. Калашников В. В. Причины Русской революции: советская историография 1917—1991 гг. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. 276 с.
92. Калашников В. В. Русская революция: ключевые решения. История и историография. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021. 320 с.
93. Катин Н. Из истории декабрьских дней 1917 года в Иркутске // Сибирь. 1917. 22 дек.
94. Катин Н. Из истории декабрьских дней 1917 года в Иркутске // Сибирь. 1917. 24 и 25 дек.
95. Ключевые проблемы русской революции в историографии сегодняшнего дня : сб. материалов конф. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 311 с.
96. Кондрашин В. В. Большинство высказанных замечаний учтены не были // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России / ред. кол.: В. И. Голдин [и др.]. Архангельск : [б. и.], 2025. Вып. 6 : Столетие Гражданской войны в России, ее исторические уроки и историческая память. С. 65—75.
97. Красноярский рабочий. 1917. 10 дек.
98. Красноярский рабочий. 1917. 24 дек.
99. Кудрявцев Ф. На баррикадах Иркутска. 1917—1919 гг. : очерки. М. ; Иркутск : [б. и.], 1936. 64 с.
100. Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1958. 515 с.
101. Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск. Очерки истории города. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. 435 с.
102. Лавров И. А. На рубеже: кровавые декабрьские дни большевистской революции в Иркутске. Харбин : Изд-во М. В. Зайцева, [1938]. 178 с.
103. Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии» : сб. докл. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. 180 с.
104. Миронов Б. Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М. : Весь мир, 2013. 336 с.
105. Н[асимович Н. Ф.]. Правда о Белом доме // Власть труда. Иркутск, 1917. 31 дек.
106. Насимович Н. Ф. Правда о Белом доме // Власть труда. Иркутск, 1918. 12 янв.
107. Ненароков А. П. История Великой Российской революции: парадоксы современной историографии // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 9—11 окт. 2017 г.) М. : Политическая энциклопедия, 2017. С. 31—35.
108. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с.
109. Новиков П. А. Декабрьские бои в Иркутске // Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л. М. Дамешека. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 454—474.
110. Новиков П. А. Иркутские бои // Россия в 1917 году : энциклопедия. М. : Политическая энциклопедия, 2017. С. 399—401.
111. Новиков П. Иркутские бои декабря 1917 года // Сибирский исторический альманах. Красноярск : Знак, 2010. Т. 1 : Гражданская война в Сибири. С. 120—129.
112. Олесин. Кровавые дни. (Из записок участника братоубийственной бойни) // Иркутская жизнь. 1917. 25 дек.
113. Олесин. Кровавые дни. (Из записок участника братоубийственной бойни) // Иркутская жизнь. 1917. 30 дек.
114. Петров Ю. А. Великая Российская революция: современные историографические тренды // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 9—11 окт. 2017 г.). М. : Политическая энциклопедия, 2017. С. 17—21.
115. Петрушин Ю. А. Общественно-политическая жизнь Иркутска // Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л. М. Дамешека. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 425—454.
116. Подвиг Центросибири. 1917—1918 : сб. документов. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. 480 с.
117. Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск : Наука, 1973. 307 с.
118. Пученков А. С. Гражданская война на Юге России: историографические тенденции последних лет // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности : сб. науч. тр. Новосибирск : Параллель, 2022. С. 23—43.
119. Разиньков М. Е. Историография причин революции 1917 г. и гражданской войны в России. Воронеж : ФГБОУ ВО ВГЛУ, 2023. 235 с.

120. Революционный подвиг сибиряков. Биографии борцов за власть Советов на земле сибирской. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 363 с.
121. Романов Г. И. Юнкерско-казачий мятеж в Иркутске в декабре 1917 г.: непредвзятый взгляд // Дуловские чтения 1992 года : тез. докл. и сообщений. Иркутск, 16—17 окт. 1992 г. Иркутск : [б. и.], 1992. Ч. 1. С. 98—101.
122. Романов Г. И. Юнкерско-казачий мятеж в Иркутске в декабре 1917 г.: начало вооруженного противостояния // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории : тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. памяти М. А. Гудошникова и Ф. А. Кудрявцева (Иркутск, 27—30 июня 1994 г.). Иркутск : [б. и.], 1994. Ч. 2. С. 6—8.
123. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.
124. Россия в 1917 году : энциклопедия. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 1095 с.
125. Россия в годы Гражданской войны, 1917—1922 гг. : очерки истории и историографии. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 608 с.
126. Россия в годы Гражданской войны, 1917—1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1—3 окт. 2018 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 520 с.
127. Россия в Гражданской войне. 1918—1922 : энциклопедия : в 3 т. Т. 1 : А—З / отв. ред. А. К. Сорокин. М. : Политическая энциклопедия, 2021. 847 с.
128. Россия в Гражданской войне. 1918—1922 : энциклопедия : в 3 т. Т. 2 : И—П / отв. ред. А. К. Сорокин. М. : Политическая энциклопедия, 2021. 878 с.
129. Россия в Гражданской войне. 1918—1922 : энциклопедия : в 3 т. Т. 3 : Р—Я / отв. ред. А. К. Сорокин. М. : Политическая энциклопедия, 2021. 826 с.
130. Россия в эпоху революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023. 324 с.
131. Рябиков В. В. Иркутск — столица революционной Сибири. Иркутск : Кн. изд-во, 1957. 199 с.
132. Рябиков В. В. Центросибирь. Новосибирск : Новосибирское обл. гос. изд-во, 1949. 256 с.
133. Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 — март 1918 г.). Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1962. 723 с.
134. Серебренников И. И. Мои воспоминания. Т. 1 : В революции (1917—1919). Тяньцзин : Тип. “Star Press”, [1937]. 289 с.
135. Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914—1918 гг. Иркутск : Издатель Сапронов, 2008. 591 с.
136. Сибирь. Иркутск, 1917. 27 окт.
137. Сибирь. Иркутск, 1917. 28 окт.
138. Сибирь. Иркутск, 1917. 29 окт.
139. Сибирь. Иркутск, 1917. 31 окт.
140. Сибирь. Иркутск, 1917. 1 нояб.
141. Сибирь. Иркутск, 1917. 3 нояб.
142. Сибирь. Иркутск, 1917. 4 нояб.
143. Сибирь. Иркутск, 1917. 16 нояб.
144. Сибирь. Иркутск, 1917. 17 нояб.
145. Сибирь. Иркутск, 1917. 18 нояб.
146. Сибирь. Иркутск, 1917. 19 нояб.
147. Сибирь. Иркутск, 1917. 25 нояб.
148. Сибирь. Иркутск, 1917. 26 нояб.
149. Сибирь. Иркутск, 1917. 28 нояб.
150. Сибирь. Иркутск, 1917. 29 нояб.
151. Сибирь. Иркутск, 1917. 30 нояб.
152. Сибирь. Иркутск, 1917. 1 дек.
153. Сибирь. Иркутск, 1917. 18 дек.
154. Сибирь. Иркутск, 1917. 21 дек.
155. Сибирь. Иркутск, 1917. 22 дек.
156. Сибирь. Иркутск, 1917. 23 дек.
157. Сибирь, Иркутск, 1917, 24 и 25 дек.
158. Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск : Кн. изд-во, 1960. 290 с.

159. Суслов А. Ю. Индивидуальный политический террор в годы Гражданской войны в России: проблемы современной историографии // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности : сб. науч. тр. Новосибирск : Параллель, 2022. С. 44—52.
160. Суслов А. Ю. Политические партии России в 1917 году в освещении 11 тома академической «Истории России» // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России / ред. кол.: В. И. Голдин [и др.]. Архангельск : [б. и.], 2025. Вып. 6 : Столетие Гражданской войны в России, ее исторические уроки и историческая память. С. 101—107.
161. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1991. 205 с.
162. Тимофеев И. А. Хроника борьбы за власть Советов в Восточной Сибири. 1917—1920 гг. Иркутск : ОГИЗ — Иркутское областное изд-во, 1937. 96 с.
163. Фортунатов В. В. Революция 1917 года: Великая Российская или «красная смута»? (О второй книге 11-го тома «Истории России») // Ключевые проблемы русской революции в историографии сегодняшнего дня : сб. материалов конф. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. С. 191—200.
164. Чужак Н. Разрушение иллюзий. Осколок Сибири // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1927. № 7 (36). С. 68—71.
165. Шаламов В. А. Декабрьские события 1917 г. в Иркутске: медицинский аспект // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 4. С. 168—178.
166. Шереметьева Д. Л. Политические взгляды эсера Е. Е. Колосова в годы революции и Гражданской войны (март 1917 — январь 1920 г.) // Политические режимы и системы на востоке России в период гражданской войны / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 37—94.
167. Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск : [б. и.], 1963. 647 с.
168. Шумяцкий Б. Сибирь на путях к Октябрю. М. : Гос. изд-во, 1927. 126 с.
169. Шумяцкий Б. Сибирь на путях к Октябрю: воспоминания первого председателя Центросибири. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 413 с.
170. Эйдеман Р. Декабрьские дни в Иркутске. Воспоминания участника // Война и революция. М., 1927. № 10—11. С. 74—94.
171. Эйдеман Р. Уличные бои во время восстания. (Воспоминания участника декабрьских дней в Иркутске) // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 6. С. 85—98.
172. Эпоха войн и революций: 1914—1922 : материалы Междунар. коллоквиума (С.-Петербург, 9—11 июня 2016 г.). СПб. : Нестор-История, 2017. 496 с.
173. Эпоха революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. 430 с.
174. Янсон Я. Гражданская война в Иркутске // Власть труда. Иркутск, 1917. 30 дек.
175. Янсон Я. Гражданская война в Иркутске // Власть труда. Иркутск, 1917. 31 дек.
176. Янсон Я. Д. Октябрьская революция и юнкерское восстание в Иркутске // Каторга и ссылка. М., 1932. № 11—12. С. 301—329.
177. Янсон Я. Д. Октябрьская революция и юнкерское восстание в Иркутске // 15 лет Октября : сб. статей / под общ. ред. И. А. Теодоровича. М. : [б. и.], 1932. С. 301—329.

References

1. Abov A. Oktyabr' v Vostochnoi Sibiri (otryvki vospominanii) [October in Eastern Siberia (excerpts from memoirs)]. *Sibirskoe ogni*, Novo-Nikolaevsk, 1924, no. 4, pp. 107—121. (In Russian)
2. Agalakov V. T. *Sovety Sibiri (1917—1918 gg.)* [The Soviets of Siberia (1917—1918)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978. 255 p. (In Russian)
3. *Aziatskaya Rossiya. T. 1: Lyudi za Uralom* [Asian Russia. Vol. 1. People beyond the Urals]. St. Petersburg, 1914. 578 p. (In Russian)
4. Aidarov G. A. K voprosu o dekabr'skikh sobytiyakh 1917 g. v Irkutske [On the December 1917 events in Irkutsk]. *Dulovskie chteniya 1997 g. Sektsiya istoriya: materialy dokladov i soobshchenii. Dekabr' 1997 g.* [Dulovsky readings 1997. History section. Reports and communications. Dec. 1997]. Irkutsk, Izd-vo IGPU Publ., 1998, pp. 123—127. (In Russian)
5. Alekseev N. A. Irkutsk v nachale Oktyabr'skoi revolyutsiya [Irkutsk at the beginning of the October revolution]. *Katorga i ssylka*, 1932, no. 11—12, pp. 296—300. (In Russian)
6. Bagaev B. F. *Boris Shumyatskii: Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [Boris Shumyatsky. An essay on his life and work]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. kn. izd-vo Publ., 1974. 204 p. (In Russian)

7. Batalov A. N. *Bor'ba bol'shevikov za armiyu v Sibiri (1916 — fevral' 1918)* [The Bolshevik struggle for an Army in Siberia (1916 — February 1918)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978. 285 p. (In Russian)
8. Berg V. K. *sobytiyam v Irkutске. (Ob'yasnenie byvshego yunkera)* [Events in Irkutsk. (Explanation of a former cadet)]. *Vlast' truda*, Irkutsk, 1918. Jan. 9. (In Russian)
9. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Irkutskoi gubernii (oktyabr' 1917 g. — iyul' 1918 g.): sb. dokumentov* [The struggle for Soviet Power in Irkutsk province (October 1917 — July 1918). A collection of documents]. Irkutsk, Irkut. kn. izd-vo Publ., 1957. 423 p. (In Russian)
10. Buiskikh A. N. *Revolutsionnye ocherki. Iz vospominanii za 25 let* [Revolutionary essays. From memories over 25 years]. Novonikolaevsk, Klich Publ., 1922. 143 p. (In Russian)
11. *Byulleten' ispolnitel'noi voennoi komissii Soveta voenn(ykh) deputatov* [Bulletin of the executive military commission of the council of Military deputies]. Irkutsk, 1917, no. 1, Sept. 22. (In Russian)
12. *Byulleten' ispolnitel'noi voennoi komissii Soveta voenn(ykh) deputatov* [Bulletin of the executive military commission of the council of Military deputies]. Irkutsk, 1917, no. 2, Sept. 25. (In Russian)
13. *Velikaya rossiiskaya revolyutsiya, 1917: sto let izucheniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 9—11 okt. 2017 g.)* [The Great Russian revolution, 1917. One hundred years of study. Proceed. of the Internat. sci. conf. (Moscow, Oct. 9—11, 2017)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. 808 p. (In Russian)
14. Vendrikh G. A. *Belyi dom: (Iz istorii bor'by za vlast' Sovetov v Irkutске)* [The white house. (From the history of the struggle for Soviet power in Irkutsk)]. Irkutsk, Kn. izd-vo Publ., 1956. 23 p. (In Russian)
15. Vilenskii-Sibir'yakov Vl. *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' (Tsentrosibir'). 1917—1918 gg.* [The struggle for Soviet Power (Centrosibir). 1917—1918]. Moscow, 1926. 22 p. (In Russian)
16. Vladimirova V. *Iz nedavnego proshlogo: I. Voennye organizatsii bol'shevikov. II. Fevral' i Oktyabr' v Sibiri* [From the recent past. I. Bolshevik military organizations. II. February and October in Siberia]. Moscow, Leningrad, Molodaya gvardiya Publ., 1924. 200 p. (In Russian)
17. Voitinskii V. S. *1917-i. God pobed i porazhenii* [1917. A year of victories and defeats]. Chalidze Publications, 1990. 302 p. (In Russian)
18. Goldin V. I. *Grazhdanskaya voina v Rossii. 1917—1922: osmyslenie cherez stoletie* [The Civil War in Russia. 1917—1922: Comprehension after a hundred years]. *Noveishaya istoriya Rossii — Modern History of Russia*, 2024, vol. 14, no. 3, pp. 538—557. DOI: 10.21638/spbu24.2024.301. (In Russian)
19. Goldin V. I. *Grazhdanskaya voina v Rossii: osmyslenie skvoz' stoletie: v 2 t.* [The Civil War in Russia: understanding through the century. In 2 vols]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2025, vol. 1. 736 p. ; vol. 2. 624 p. (In Russian)
20. *Golos Sibiri*. Novonikolaevsk, 1918. Jan. 3. (In Russian)
21. *Golos sotsial-demokrata*. Irkutsk, 1917. May 4. (In Russian)
22. *Golos sotsial-demokrata*. Irkutsk, 1917. Aug 6. (In Russian)
23. *Golos sotsial-demokrata*. Irkutsk, 1917. Aug. 13. (In Russian)
24. *Grazhdanskaya voina v Rossii: zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy 1917—1922: materialy Mezhdunar. kollokviuma (S.-Peterburg, 10—13 iyunya 2019 g.)* [The Civil War in Russia. Life in the era of social experiments and military trials 1917—1922. Proceed. of the Internat. colloquium (St. Petersburg, June 10—13, 2019)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020. 654 p. (In Russian)
25. *Grazhdanskaya voina v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskie posledstviya, uroki dlya sovremennosti: sb. nauch. tr.* [The Civil War in Russia. Problems of recovery, historical consequences, and lessons for the present. Collect. of sci. articles]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2022. 406 p. (In Russian)
26. *Grazhdanskaya voina na vostoке Rossii (noyabr' 1917 — dekabr' 1922 g.): sb. materialov Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [The Civil War in Eastern Russia (November 1917 — December 1922). Proceed. of the All-Russia sci. conf. with Internat. participation]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN Publ., 2019. 480 p. (In Russian)
27. *Grazhdanskaya voina na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu Zapadno-Sibirskogo vosstaniya i 10-letiyu Tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoi voiny (Omsk, Rossiya, 20—21 okt. 2021 g.)* [The Civil War in Eastern Russia. A look through documentary heritage. Proceed. of the IV Internat. sci. and pract. conf., dedicated to the 100th anniversary of the West Siberian uprising and the 10th anniversary of the Centre for the study of the history of the Civil War (Omsk, Russia, Oct. 20—21, 2021)]. Omsk, OmGTU Publ., 2021. 343 p. (In Russian)
28. *Grazhdanskaya voina na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Rossiya, Omsk, 18—19 okt. 2023 g.)* [Civil War in Eastern Russia. A look through documentary heritage. Proceed. of the 5th Internat. sci. and pract. conf. (Russia, Omsk, Oct. 18—19, 2023)]. Omsk, OmGTU Publ., 2023. 444 p. (In Russian)

29. Grandov Yu. Zloveshchee nachalo [An ominous beginning]. *Sibir'*. Irkutsk, 1917. Nov. 26. (In Russian)
30. Grandov Yu. Pered grozoi [Before the storm]. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Dec. 21. (In Russian)
31. Grandov Yurii. Pervye dni i nochi osady Irkutsk. (Otryvki vpechatlenii) [The first days and nights of the siege of Irkutsk. (Excerpts from impressions)]. *Sibir'*. Irkutsk, 1917, Dec. 24, 25. (In Russian)
32. Gudoshnikov M. A. *Dekabr'skie boi 1917 g. v Irkutsk* [December 1917 battles in Irkutsk]. Irkutsk, Tip. Kraigiza, 1932. 64 p. (In Russian)
33. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Oct. 5. (In Russian)
34. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Oct. 27. (In Russian)
35. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Oct. 28. (In Russian)
36. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Oct. 29. (In Russian)
37. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Oct. 31. (In Russian)
38. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 2. (In Russian)
39. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 3. (In Russian)
40. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 4. (In Russian)
41. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 5. (In Russian)
42. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 7. (In Russian)
43. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 8. (In Russian)
44. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 9. (In Russian)
45. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 10. (In Russian)
46. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 11. (In Russian)
47. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 14. (In Russian)
48. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 15. (In Russian)
49. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 16. (In Russian)
50. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 17. (In Russian)
51. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 19. (In Russian)
52. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 21. (In Russian)
53. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 23. (In Russian)
54. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 24. (In Russian)
55. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 25. (In Russian)
56. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 26. (In Russian)
57. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 28. (In Russian)
58. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 29. (In Russian)
59. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Nov. 30. (In Russian)
60. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Dec. 1. (In Russian)
61. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Dec. 2. (In Russian)
62. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Dec. 3. (In Russian)
63. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Dec. 6. (In Russian)
64. *Edinenie*. Irkutsk, 1917. Dec. 21. (In Russian)
65. Zakharova K. L. Okruzhnoe byuro Sovetov rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov Vostochnoi Sibiri (aprel' — oktyabr' 1917 g.) [District bureau of Soviets of workers', soldiers' and peasants' deputies of Eastern Siberia (April — October, 1917)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanitarian Sciences in Siberia*, 2016, vol. 23, no. 4, pp. 114—118. DOI: 10.15372/HSS201604206. (In Russian)
66. Zakharova K. L. Sovetskaya elita Sibiri (mart — oktyabr' 1917 goda) [The Soviet elite of Siberia (March — October, 1917)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya — Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Ser. Istoriya, Filologiya*, 2016, vol. 15, no. 8, pp. 108—119. (In Russian)
67. Znamenskaya R. A. *Irkutsk v bor'be za vlast' Sovetov* [Irkutsk in the struggle for Soviet power]. Irkutsk, Izdanie Irkutskoi sektsii nauchnykh rabotnikov Publ., 1929. 40 p. (In Russian)
68. *Irkutsk nakanune i v 1917 godu. Ocherki politicheskoi istorii gubernskogo tsentra* [Irkutsk prior to and in 1917. Essays on the political history of the provincial capital]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017. 544 p. (In Russian)
69. Petrov A. V., Plotnikova M. M., Shakherov V. P., Il'ina A. V. *Irkutskaya gorodskaya дума v 1917 godu* [The Irkutsk City Duma in 1917]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018. 292 p. (In Russian)
70. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Nov. 2. (In Russian)
71. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Nov. 4. (In Russian)
72. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Nov. 9. (In Russian)
73. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Nov. 17. (In Russian)
74. *Irkutskaya zhizn'*. 1917. Nov. 21. (In Russian)
75. *Irkutskaya zhizn'*. 1917. Nov. 23. (In Russian)

76. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Nov. 25. (In Russian)
77. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Nov. 26. (In Russian)
78. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Nov. 28. (In Russian)
79. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Nov. 29. (In Russian)
80. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Nov. 30. (In Russian)
81. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Dec. 1. (In Russian)
82. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Dec. 22. (In Russian)
83. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Dec. 23. (In Russian)
84. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Dec. 25. (In Russian)
85. *Istoriya Irkutsk XX veka: khrestomatiya* [History of Irkutsk in the 20th century. Anthology]. Irkutsk, NPF “Zemlya Irkutskaya”, Ottisk Publ., 2016. 544 p. (In Russian)
86. *Istoriya Rossii: v 20 t. T. 11: Imperiya, voyna, revolyutsiya. Kn. 2: Ot razvala imperii k grazhdanskoi voine* [History of Russia. In 20 vols. Vol. 11. Empire, war, revolution. Book 2. From the collapse of the Empire to Civil War]. Moscow, Nauka Publ., 2024. 783 p. (In Russian)
87. *Istoriya Rossii: v 20 t. T. 12: Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917—1922 gody. Kn. 1: Voennoe i politiko-diplomaticheskoe protivoborstvo* [History of Russia. In 20 vols. Vol. 12. The Civil War in Russia. 1917—1922. Book 1. Military and political-diplomatic confrontation]. Moscow, Nauka Publ., 2024. 969 p. (In Russian)
88. *Istoriya Rossii: v 20 t. T. 12: Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917—1922 gody. Kn. 2: Vlast'. Ekonomika. Obshchestvo. Kul'tura* [History of Russia. In 20 vols. Vol. 12. The Civil War in Russia. 1917—1922. Book 2. Power. Economy. Society. Culture]. Moscow, Nauka Publ., 2024. 919 p. (In Russian)
89. Kalashnikov V. V. “Istoriya Rossii”. Tom XI: Velikaya Rossiiskaya revolyutsiya kak irratsional'nyi bunt “okhlasa” [“History of Russia.” Vol. XI: The Great Russian Revolution as an Irrational Revolt of the “Okhlas”]. *Klyuchevye problemy russkoi revolyutsii v istoriografii segodnyashnego dnya: sb. materialov konf.* [Key issues of the Russian revolution in contemporary historiography. Collect. of the conf. materials]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGETU “LETI” Publ., 2024, pp. 162—180. (In Russian)
90. Kalashnikov V. V. Pereizdanie 11 toma neobkhodimo [Reprint of volume 11 is necessary]. *Al'manakh Assotsiatsii issledovatelei Grazhdanskoi voiny v Rossii* [Almanac of the association of researchers of the Civil War in Russia]. Arkhangelsk, 2025. Vyp. 6: Stoletie Grazhdanskoi voiny v Rossii, ee istoricheskie uroki i istoricheskaya pamyat' = Issue 6: The centenary of the Civil War in Russia, its historical lessons and historical memory, pp. 65—75. (In Russian)
91. Kalashnikov V. V. *Prichiny Russkoi revolyutsii: sovetskaya istoriografiya 1917—1991 gg.* [Causes of the Russian revolution. Soviet historiography 1917—1991]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGETU “LETI” Publ., 2020. 276 p. (In Russian)
92. Kalashnikov V. V. *Russkaya revolyutsiya: klyuchevye resheniya. Istoriya i istoriografiya* [The Russian revolution. Key decisions. History and historiography]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGETU “LETI” Publ., 2021. 320 p. (In Russian)
93. Katin N. Iz istorii dekabr'skikh dnei 1917 goda v Irkutске [From the history of the December days of 1917 in Irkutsk]. *Sibir'*. 1917. Dec. 22. (In Russian)
94. Katin N. Iz istorii dekabr'skikh dnei 1917 goda v Irkutске [From the history of the December days of 1917 in Irkutsk]. *Sibir'*. 1917. Dec. 24 and 25. (In Russian)
95. *Klyuchevye problemy russkoi revolyutsii v istoriografii segodnyashnego dnya: sb. materialov konf.* [Key issues of the Russian revolution in the historiography of today. Collect. materials of the conference]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGETU “LETI” Publ., 2024. 311 p. (In Russian)
96. Kondrashin V. V. Bol'shinstvo vyskazannykh zamechaniy uchteny ne byli [Most of the comments made were not taken into account]. *Al'manakh Assotsiatsii issledovatelei Grazhdanskoi voiny v Rossii* [Almanac of the association of researchers of the Civil War in Russia]. Arkhangelsk, 2025. Vyp. 6 : Stoletie Grazhdanskoi voiny v Rossii, ee istoricheskie uroki i istoricheskaya pamyat' = Issue 6: The Centenary of the Civil War in Russia, its historical lessons and historical memory, pp. 65—75. (In Russian)
97. *Krasnoyarskii rabochii*, 1917. Dec. 10. (In Russian)
98. *Krasnoyarskii rabochii*, 1917. Dec. 24. (In Russian)
99. Kudryavtsev F. *Na barrikadakh Irkutsk. 1917—1919 gg.: ocherki* [On the barricades of Irkutsk. 1917—1919. Essays]. Moscow, Irkutsk, 1936. 64 p. (In Russian)
100. Kudryavtsev F. A., Vendrikh G. A. *Irkutsk. Ocherki po istorii goroda* [Irkutsk. Essays on the history of the city]. Irkutsk, Irkut. kn. izd-vo Publ., 1958. 515 p. (In Russian)
101. Kudryavtsev F., Vendrikh G. *Irkutsk. Ocherki istorii goroda* [Irkutsk. Essays on the history of the city]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1971. 435 p. (In Russian)
102. Lavrov I. A. *Na rubezhe: krovavye dekabr'skie dni bol'shevistskoi revolyutsii v Irkutске* [At the turning point. The bloody December days of the Bolshevik revolution in Irkutsk]. Kharbin, Izd-vo M. V. Zaitseva Publ., [1938]. 178 p. (In Russian)

103. *Mezhvuzovskaya nauchnaya konferentsiya "Russkaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii": sb. dokl.* [Interuniversity scientific conference "The Russian revolution of 1917. Problems of history and historiography". Reports collection]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGETU "LETI" Publ., 2013. 180 p. (In Russian)
104. Mironov B. N. *Strasti po revolyutsii: Nravny v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii* [Passion for the revolution. Morals in Russian historiography in the information age]. Moscow, Ves' mir Publ., 2013. 336 p. (In Russian)
105. N(asimovich N. F.). Pravda o Belom dome [The truth about the White House]. *Vlast' truda*. Irkutsk, 1917. Dec. 31. (In Russian)
106. Nasimovich N. F. Pravda o Belom dome [The truth about the White House]. *Vlast' truda*. Irkutsk, 1918. Jan. 12. (In Russian)
107. Nenarokov A. P. Istoriya Velikoi Rossiiskoi revolyutsii: paradoksy sovremennoi istoriografii [History of the Great Russian revolution. Paradoxes of modern historiography]. *Velikaya rossiiskaya revolyutsiya, 1917: sto let izucheniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 9—11 okt. 2017 g.)* [The Great Russian revolution, 1917. One hundred years of study. Proceed. of the Internat. sci. conf. (Moscow, Oct. 9—11, 2017)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017, pp. 31—35. (In Russian)
108. Novikov P. A. *Grazhdanskaya voyna v Vostochnoi Sibiri* [Civil War in Eastern Siberia]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005. 415 p. (In Russian)
109. Novikov P. A. Dekabr'skie boi v Irkutске [December battles in Irkutsk]. *Irkutsk nakanune i v 1917 godu: Ocherki politicheskoi istorii gubernskogo tsentra* [Irkutsk prior to and in 1917. Essays on the political history of the provincial capital]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017, pp. 454—474. (In Russian)
110. Novikov P. A. Irkutskie boi [Irkutsk battles]. *Rossiya v 1917 godu: entsiklopediya* [Russia in 1917. Encyclopedia]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017, pp. 399—401. (In Russian)
111. Novikov P. Irkutskie boi dekabrya 1917 goda [Irkutsk battles of December 1917]. *Sibirskii istoricheskii al'manakh* [Siberian historical almanac]. Krasnoyarsk, Znak Publ., 2010, vol. 1: *Grazhdanskaya voyna v Sibiri*, pp. 120—129. (In Russian)
112. Olesin. Krovavyye dni. (Iz zapisok uchastnika bratoubiistvennoi boini) [Bloody days. (From the notes of a participant in the fratricidal massacre)]. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Dec. 25. (In Russian)
113. Olesin. Krovavyye dni. (Iz zapisok uchastnika bratoubiistvennoi boini) [Bloody days. (From the notes of a participant in the fratricidal massacre)]. *Irkutskaya zhizn'*, 1917. Dec. 30. (In Russian)
114. Petrov Yu. A. Velikaya Rossiiskaya revolyutsiya: sovremennyye istoriograficheskie trendy [The Great Russian revolution. Modern historiographical trends]. *Velikaya rossiiskaya revolyutsiya, 1917: sto let izucheniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 9—11 okt. 2017 g.)* [The Great Russian revolution, 1917. One hundred years of study. Proceed. of the Internat. sci. conf. (Moscow, Oct. 9—11, 2017)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017, pp. 17—21. (In Russian)
115. Petrushin Yu. A. Obschestvenno-politicheskaya zhizn' Irkutsk [Socio-political life of Irkutsk]. *Irkutsk nakanune i v 1917 godu: Ocherki politicheskoi istorii gubernskogo tsentra* [Irkutsk prior to and in 1917. Essays on the political history of the provincial center]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017, pp. 425—454. (In Russian)
116. *Podvig Tsentrosibiri. 1917—1918: sb. dokumentov* [The feat of Centrosibir. 1917—1918. Collect. of documents]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1986. 480 p. (In Russian)
117. Poznanskii V. S. *Ocherki istorii vooruzhennoi bor'by Sovetov Sibiri s kontrrevolyutsiei v 1917—1918 gg.* [Essays on the history of the armed struggle of the Siberian Soviets against the counterrevolution in 1917—1918]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1973. 307 p. (In Russian)
118. Puchenkov A. S. *Grazhdanskaya voyna na Yuge Rossii: istoriograficheskie tendentsii poslednikh let* [The Civil War in Southern Russia. Historiographic trends of recent years]. *Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskie posledstviya, uroki dlya sovremennosti: sb. nauch. tr.* [The Civil War in Russia. Problems of recovery, historical consequences, and lessons for the present. Collect. of sci. articles]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2022, pp. 23—43. (In Russian)
119. Razin'kov M. E. *Istoriografiya prichin revolyutsii 1917 g. i grazhdanskoi voiny v Rossii* [Historiography of the causes of the 1917 revolution and the Civil War in Russia]. Voronezh, FGBOU VO VGLTU Publ., 2023. 235 p. (In Russian)
120. *Revolutsionnyi podvig sibiryakov. Biografii bortsov za vlast' Sovetov na zemle sibirskoi* [The revolutionary feat of Siberians. Biographies of fighters for Soviet power in Siberia]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1972. 363 p. (In Russian)
121. Romanov G. I. Yunkersko-kazachii myatezh v Irkutске v dekabre 1917 g.: nepredvzyatyi vzglyad [The Junker-Cossack revolt in Irkutsk in December 1917. An unbiased view]. *Dulovskie chteniya 1992 goda: tez. dokl. i soobshchenii* [Dulov readings of 1992. Abstr. reports]. Irkutsk, Oct. 16—17, 1992. Irkutsk, 1992, part 1, pp. 98—101. (In Russian)

122. Romanov G. I. Yunkersko-kazachii myatezh v Irkutske v dekabre 1917 g.: nachalo vooruzhennogo protivostoyaniya [The Junker-Cossack revolt in Irkutsk in December 1917: The beginning of armed confrontation]. *Baikal'skaya istoricheskaya shkola: problemy regional'noi istorii: tez. dokl. i soobshch. nauch. konf., posvyashch. pamyati M. A. Gudoshnikova i F. A. Kudryavtseva (Irkutsk, 27—30 iyunya 1994 g.)* [Baikal historical school. Problems of regional history. Abstr. of the sci. conf., dedicated to the memory of M. A. Gudoshnikov and F. A. Kudryavtsev (Irkutsk, June 27—30, 1994)]. Irkutsk, 1994, part 2, pp. 6—8. (In Russian)
123. Romanov N. S. *Letopis' goroda Irkutska za 1902—1924 gg.* [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902—1924]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1994. 560 p. (In Russian)
124. *Rossiya v 1917 godu: entsiklopediya* [Russia in 1917. Encyclopedia]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. 1095 p. (In Russian)
125. *Rossiya v gody Grazhdanskoi voiny, 1917—1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii* [Russia during the Civil War, 1917—1922. Essays on history and historiography]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 608 p. (In Russian)
126. *Rossiya v gody Grazhdanskoi voiny, 1917—1922 gg.: vlast' i obshchestvo po obe storony fronta: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 1—3 okt. 2018 g.)* [Russia during the Civil War, 1917—1922. Power and society on both sides of the front. Proceed. of the Internat. sci. conf. (Moscow, Oct. 1—3, 2018)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 520 p. (In Russian)
127. *Rossiya v Grazhdanskoi voine. 1918—1922: entsiklopediya: v 3 t. T. 1: A—Z* [Russia in the Civil War. 1918—1922. Encyclopedia. In 3 vols. Vol. 1. A—Z]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2021. 847 p. (In Russian)
128. *Rossiya v Grazhdanskoi voine. 1918—1922: entsiklopediya: v 3 t. T. 2: I—P* [Russia in the Civil War. 1918—1922. Encyclopedia. In 3 vols. Vol. 2. I—P]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2021. 878 p. (In Russian)
129. *Rossiya v Grazhdanskoi voine. 1918—1922: entsiklopediya: v 3 t. T. 3: R—Ya* [Russia in the Civil War. 1918—1922. Encyclopedia. In 3 vols. Vol. 3. R—Ya]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2021. 826 p. (In Russian)
130. *Rossiya v epokhu revolyutsii i Grazhdanskoi voiny: sovetskaya i postsovetskaya istoriografiya* [Russia in the era of revolution and Civil War. Soviet and post-soviet historiography]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGETU “LETI” Publ., 2023. 324 p. (In Russian)
131. Ryabikov V. V. *Irkutsk — stolitsa revolyutsionnoi Sibiri* [Irkutsk — the capital of revolutionary Siberia]. Irkutsk, Kn. izd-vo Publ., 1957. 199 p. (In Russian)
132. Ryabikov V. V. *Tsentrosibir'*. Novosibirsk, Novosibirskoe obl. gos. izd-vo Publ., 1949. 256 p. (In Russian)
133. Safronov V. P. *Oktyabr' v Sibiri. Bol'sheviki Sibiri v bor'be za pobedu Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii (fevral' 1917 — mart 1918 g.)* [October in Siberia. Siberian bolsheviks in the struggle for the victory of the Great October Socialist revolution (February 1917 — March 1918)]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. kn. izd-vo Publ., 1962. 723 p. (In Russian)
134. Serebrennikov I. I. *Moi vospominaniya. T. 1: V revolyutsii (1917—1919)* [My memories. Vol. 1. In the revolution (1917—1919)]. Tyantszin, Tip. “Star Press” Publ., [1937]. 289 p. (In Russian)
135. Serebrennikov I. I. *Preterpev sudeb udary. Dnevnik 1914—1918 gg.* [Having endured the blows of fate. Diary 1914—1918]. Irkutsk, Izdatel' Sapronov Publ., 2008. 591 p. (In Russian)
136. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Oct. 27. (In Russian)
137. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Oct. 28. (In Russian)
138. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Oct. 29. (In Russian)
139. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Oct. 31. (In Russian)
140. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 1. (In Russian)
141. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 3. (In Russian)
142. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 4. (In Russian)
143. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 16. (In Russian)
144. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 17. (In Russian)
145. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 18. (In Russian)
146. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 19. (In Russian)
147. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 25. (In Russian)
148. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 26. (In Russian)
149. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 28. (In Russian)
150. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 29. (In Russian)
151. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Nov. 30. (In Russian)
152. *Sibir'*, Irkutsk, 1917. Dec. 1. (In Russian)

153. *Sibir*, Irkutsk, 1917. Dec. 18. (In Russian)
154. *Sibir*, Irkutsk, 1917. Dec. 21. (In Russian)
155. *Sibir*, Irkutsk, 1917. Dec. 22. (In Russian)
156. *Sibir*, Irkutsk, 1917. Dec. 23. (In Russian)
157. *Sibir*, Irkutsk, 1917, Dec. 24 and 25. (In Russian)
158. Solodyankin A. G. *Kommunisty Irkutsk v bor'be s kolchakovshchينو* [Irkutsk communists in the fight against Kolchak]. Irkutsk, Kn. izd-vo Publ., 1960. 290 p. (In Russian)
159. Suslov A. Yu. Individual'nyi politicheskii terror v gody Grazhdanskoi voyny v Rossii: problemy sovremennoi istoriografii [Individual political terror during the Civil War in Russia. Problems of modern historiography]. *Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskie posledstviya, uroki dlya sovremennosti: sb. nauch. tr.* [The Civil War in Russia. Problems of exit, historical consequences, lessons for the present. Collect. of sci. articles]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2022, pp. 44—52. (In Russian)
160. Suslov A. Yu. Politicheskie partii Rossii v 1917 godu v osveshchenii 11 toma akademicheskoi "Istorii Rossii" [Political parties of Russia in 1917 as covered in volume 11 of the academic history of Russia]. *Al'manakh Assotsiatsii issledovatelei Grazhdanskoi voyny v Rossii* [Almanac of the association of researchers of the Civil War in Russia]. Arkhangelsk, 2025. Vyp. 6 : Stoletie Grazhdanskoi voyny v Rossii, ee istoricheskie uroki i istoricheskaya pamyat' = Issue 6: The Centenary of the Civil War in Russia, Its Historical Lessons and Historical Memory, pp. 101—107. (In Russian)
161. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsii v Irkutskoi gubernii (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences, and meetings of social-class, political, religious, and national organizations in the Irkutsk province (March 1917 — November 1918)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo gos. un-ta Publ., 1991. 205 p. (In Russian)
162. Timofeev I. A. *Khronika bor'by za vlast' Sovetov v Vostochnoi Sibiri. 1917—1920 gg.* [Chronicle of the struggle for Soviet power in Eastern Siberia. 1917—1920]. Irkutsk, OGIZ — Irkutskoe oblastnoe izd-vo Publ., 1937. 96 p. (In Russian)
163. Fortunatov V. V. *Revolutsiya 1917 goda: Velikaya Rossiiskaya ili "krasnaya smuta"?* (O vtoroi knige 11-go toma "Istorii Rossii") [The Revolution of 1917. The Great Russian or the "Red Troubles"? (On the second book of volume 11 of the "History of Russia")]. *Klyuchevye problemy russkoi revolyutsii v istoriografii segodnyashnego dnya: sb. materialov konf.* [Key issues of the Russian revolution in contemporary historiography. Proceed. of the conf.]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGETU "LETI" Publ., 2024, pp. 191—200. (In Russian)
164. Chuzhak N. *Razrushenie illyuzii. Oskolok Sibiri* [Shattering illusions. A fragment of Siberia]. *Katorga i ssylka. Istoriko-revolutsionnyi vestnik* [Penal servitude and exile. Historical and revolutionary herald]. Moscow, 1927, no. 7 (36), pp. 68—71. (In Russian)
165. Shalamov V. A. *Dekabr'skie sobytiya 1917 g. v Irkutske: meditsinskii aspekt* [The December 1917 events in Irkutsk. The medical aspect]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [News of the laboratory of Ancient technologies]. 2019, vol. 15, no. 4, pp. 168—178. (In Russian)
166. Sheremet'eva D. L. *Politicheskie vzglyady esera E. E. Kolosova v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voyny (mart 1917 — yanvar' 1920 g.)* [Political views of the Socialist revolutionary E. E. Kolosov during the revolution and Civil War (March 1917 — January 1920)]. *Politicheskie rezhimy i sistemy na vostoche Rossii v period grazhdanskoi voyny* [Political regimes and systems in the east of Russia during the Civil War]. Novosibirsk, 2012, pp. 37—94. (In Russian)
167. Shornikov M. M. *Bol'sheviki Sibiri v bor'be za pobedu Oktyabr'skoi revolyutsii* [Bolsheviks of Siberia in the struggle for the victory of the October revolution]. Novosibirsk, 1963. 647 p. (In Russian)
168. Shumyatskii B. *Sibir' na putyakh k Oktyabryu* [Siberia on the road to October]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1927. 126 p. (In Russian)
169. Shumyatskii B. *Sibir' na putyakh k Oktyabryu: vospominaniya pervogo predsedatelya Tsentrosibiri* [Siberia on the road to October. Memories of the first chairman of Centrosibir]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1989. 413 p. (In Russian)
170. Eideman R. *Dekabr'skie dni v Irkutske. Vospominaniya uchastnika* [December days in Irkutsk. Participant's memories]. *Voina i revolyutsiya* [War and revolution]. Moscow, 1927, no. 10—11, pp. 74—94. (In Russian)
171. Eideman R. *Ulichnye boi vo vremya vosstaniya. (Vospominaniya uchastnika dekabr'skikh dnei v Irkutske)* [Street fighting during the uprising. (Memories of a participant of the December days in Irkutsk)]. *Sibirskie ogni*, Novosibirsk, 1927, no. 6, pp. 85—98. (In Russian)
172. *Epokha voyn i revolyutsii: 1914—1922: materialy Mezhdunar. kollokviuma (S.-Peterburg, 9—11 iyunya 2016 g.)* [The era of wars and revolutions: 1914—1922. Proceed. of the Internat. colloquium (St. Petersburg, June 9—11, 2016)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 496 p. (In Russian)

173. *Epokha revolyutsii i Grazhdanskoi voiny v Rossii. Problemy istorii i istoriografii* [The era of revolution and Civil War in Russia. Problems of history and historiography]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGETU "LETI" Publ., 2019. 430 p. (In Russian)

174. Yanson Ya. *Grazhdanskaya voina v Irkutske* [Civil War in Irkutsk]. *Vlast' truda*. Irkutsk, 1917. Dec. 30. (In Russian)

175. Yanson Ya. *Grazhdanskaya voina v Irkutske* [Civil War in Irkutsk]. *Vlast' truda*. Irkutsk, 1917. Dec. 31. (In Russian)

176. Yanson Ya. D. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i yunkerskoe vosstanie v Irkutske* [The October revolution and the junker revolt in Irkutsk]. *Katorga i ssylka* [Penal servitude and exile]. Moscow, 1932, no. 11—12, pp. 301—329. (In Russian)

177. Yanson Ya. D. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i yunkerskoe vosstanie v Irkutske* [The October revolution and the junker revolt in Irkutsk]. *15 let Oktyabrya: sb. statei* [15 years of October. Collect. of the articles]. Moscow, 1932, pp. 301—329. (In Russian)

Информация об авторе

В. И. Шишкин — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

Information about the author

V. I. Shishkin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 11.12.2025;
принята к публикации 20.02.2026

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 11.12.2025;
accepted for publication 20.02.2026